

Глава 9

ШОТЛАНДСКИЙ МУДРЕЦ: АДАМ СМИТ

Начнем с двух цитат. Обе они отражают проблему связи и контраста между личностью Адама Смита, внешне не очень яркой и броской, и его огромной ролью в науке.

Уолтер Бэджгот, английский экономист и публицист викторианской эпохи, писал в 1876 г.: «О политической экономии Адама Смита было сказано почти бесконечно много, о самом же Адаме Смите — очень мало. А между тем дело не только в том, что он был одним из самых своеобразных людей, но и в том, что его книги едва ли можно понять, если не иметь представления о нем как о человеке».

После Бэджгота смитоведение, конечно, продвинулось вперед. Фактическая сторона жизни Смита в основном известна, хотя и далеко не столь детально, как, скажем, жизнь Юма или Тьюго. Тем не менее в 1948 г. английский ученый Александр Грей говорит: «Адам Смит был столь явно одним из выдающихся умов XVIII в. и имел такое огромное влияние в XIX в. в своей собственной стране и во всем мире, что кажется несколько странной наша плохая осведомленность о подробностях его жизни... Его биограф почти поневоле вынужден восполнять недостаток материала тем, что он пишет не столько биографию Адама Смита, сколько историю его времени».

Капитальной научной биографии Смита на Западе до сих пор не существует. Вопрос о соотношении личности Смита, системы его идей и его эпохи еще ждет настоящего решения.

Потребности эпохи рождают нужного человека. Будучи обусловлена развитием самого капиталистического хозяйства, политическая экономия в Англии достигла такой стадии, когда возникла необходимость создания *системы*, необходимость упорядочения и обобщения экономических знаний. Смит был человеком и ученым, которому такая задача оказалась по плечу. Этот шотландец счастливо сочетал в себе способности абстрактного мышления с умением живо рассказывать о конкретных вещах. Энциклопедическую ученость — с исключительной добросовестностью и научной честностью. Умение использовать идеи других ученых — с большой самостоятельностью и критичностью мысли. Известную научную и гражданскую смелость — с профессорской уравновешенностью и систематичностью.

Но самое главное состоит в том, что Смит, выражая интересы растущей промышленной буржуазии, ни в коем случае не был ее безусловным апологетом. Он не только субъективно стремился к научному беспристрастию и независимости суждений, но в большой мере добился этого. Такие качества позволили ему создать систему научной политической экономии. По выражению Маркса, «это была попытка проникнуть во внутреннюю физиологи буржуазного общества». Книга Смита — значительный памятник человеческой культуры, вершина экономической мысли XVIII в. Как известно, английская политическая экономия, созданная главным образом трудами Смита и Рикардо, явилась одним из источников марксизма.

Шотландия

Стало уже общим местом, что политическая экономия Смита может быть понята лишь с учетом того, что он был шотландец, и притом типичный,

с ярко выраженным национальным характером.

«Шотландцы — не англичане, отнюдь» — так начинается биографию другого великого шотландца, первооткрывателя пенициллина Александра Флеминга, французский писатель Андре Моруа. Что же такое шотландский национальный характер? На этот вопрос не так легко ответить, особенно если попытаться отделить реальность от бездны традиционных представлений, вымыслов и насмешек по поводу шотландцев, которая накопилась за столетия в фольклоре их южных соседей — англичан. Считается, что этот небольшой народ (во времена Смита шотландцев было около полутора миллионов) отличается трудолюбием, бережливостью и расчетливостью. Считается, что шотландцы трезвы, молчаливы и деловиты. Считается, наконец, что они склонны порассуждать на отвлеченные темы, «помудрствовать».

Вероятно, все это в какой-то мере соответствует действительности. Но едва ли так можно объяснить характер Смита и особенности его взглядов. Влияние Шотландии на него, очевидно, глубже и сложнее. Оно определяется не только довольно плоской абстракцией национального характера, но и конкретным положением страны и народа во времена Смита.

Несколько столетий шотландцы вели упорные войны с Англией. В 1603 г. шотландский король Иаков (Джемс) VI Стюарт стал также английским королем Иаковом I и объединил под властью английской короны обе части острова. Эта уния была, однако, во многом лишь формальной: экономически Англия и Шотландия развивались почти независимо. Продолжалась и борьба, в течение XVII в. шотландцы несколько раз брались за оружие. Эта борьба имела наряду с национальной также религиозную окраску, что придавало ей особое ожесточение. В Англии после реставрации монархии Стюартов в 1660 г. была восстановлена государственная англиканская церковь, а пуританские (пресвитерианские) течения подвергались гонениям. В Шотландии, напротив, подавляющая часть населения придерживалась пресвитерианства и отказывалась признавать англиканских епископов.

При королеве Анне в 1707 г. была наконец заключена государственная уния. Это было в интересах английских и шотландских промышленников, купцов и богатых фермеров, влияние которых к этому времени заметно усилилось. Были сняты таможенные барьеры между обеими странами, расширился сбыт шотландского скота в Англию, Глазговские купцы получили доступ к торговле с английскими колониями в Америке. Ради этих благ шотландская буржуазия готова была слегка поступиться патриотизмом: в новом Соединенном королевстве Шотландия неизбежно должна была играть подчиненную роль. Напротив, шотландские аристократы были в своем большинстве против унии. Опираясь на верных им воинственных горцев, которые жили еще при феодальных порядках с пережитками родового строя, они несколько раз поднимали восстания. Однако население экономически более развитой равнинной Шотландии их не поддерживало, и восстания каждый раз кончались неудачей. События этой эпохи изображены в известных исторических романах Вальтера Скотта «Пуритане», «Черный карлик», «Роб Рой», «Уэйверли». (Кстати сказать, юный Вальтер Скотт был знаком со Смитом в последние годы его жизни и оставил несколько рассказов о Смите, ценных своими деталями).

После унии в Шотландии началось значительное экономическое развитие, хотя некоторые отрасли страдали от английской конкуренции, а другие — от еще сохранившихся феодальных порядков. Особенно быстро рос

город и порт Глазго, вокруг которого возникал целый промышленный район. Наличие дешевой рабочей силы из сельских и горных районов и широких рынков сбыта в Шотландии, Англии и Америке способствовали росту промышленности. Крупные землевладельцы и богатые фермеры-арендаторы начали вводить улучшения в сельском хозяйстве. За 70 лет, между унией 1707 г. и публикацией «Богатства народов» в 1776 г., Шотландия резко изменилась. Правда, экономический прогресс затронул почти исключительно равнинную Шотландию. Но именно здесь, в треугольнике между городами Керколди, Глазго и Эдинбургом, прошла почти вся жизнь Смита.

Ко времени зрелости Смита экономика неразрывно связала судьбу Шотландии с судьбами Англии; складывалась единая буржуазная нация. Для Смита, который смотрел на все с точки зрения развития производительных сил и «богатства нации», это было особенно очевидно. Что касается шотландского патриотизма, то он принял у него, как и у многих просвещенных шотландцев, «культурный», эмоциональный, но не политический характер.

Влияние церкви и религии на общественную жизнь и науку постепенно уменьшалось. Церковь утратила контроль над университетами. Шотландские университеты отличались от Оксфорда и Кембриджа духом свободомыслия, большой ролью светских паук и практическим уклоном. В этом отношении особенно выделялся Глазговский университет, где учился и преподавал Смит. Рядом с ним работали и были его друзьями изобретатель паровой машины Джеймс Уатт и один из основоположников современной химии Джозеф Блэк. Примерно в 50-х годах Шотландия вступает в полосу большого культурного подъема, который обнаруживается в разных областях науки и искусства. Блестящая когорта талантов, которую дала на протяжении полувека маленькая Шотландия, выглядит очень внушительно. Кроме названных в нее входят экономист Джеймс Стюарт и философ Давид Юм (последний был ближайшим другом Смита), историк Уильям Робертсон, социолог и экономист Адам Фергюсон. Смит был хорошо знаком с такими людьми, как геолог Джеймс Хаттон, прославленный врач Уильям Хантер, архитектор Роберт Адам. Значение всех этих людей и их трудов выходило не только далеко за пределы Шотландии, но и за пределы Британии.

Такова была среда, атмосфера, в которой вырос талант Смита. Разумеется, Смит отнюдь не был только плодом шотландской культуры, а его экономические наблюдения выходили далеко за пределы Шотландии. Английская наука и культура, прежде всего английская философская и экономическая мысль, сформировали его не менее чем чисто шотландские влияния. В практическом смысле вся его книга направлена на то, чтобы оказать определенное (антимеркантилистское) влияние на экономическую политику Соединенного королевства, лондонского правительства. Наконец, надо отметить еще одну линию влияний — французскую. В Шотландии, связанной со времен Марии Стюарт традиционными узами с Францией, влияние французской культуры чувствовалось сильнее, чем в Англии. Смит хорошо знал сочинения Монтескье и Вольтера, восторженно приветствовал первые работы Руссо и тома «Энциклопедии».

Профессор Смит

Адам Смит родился в 1723 г. в маленьком городке Керколди, близ Эдинбурга. Его отец, таможенный чиновник, умер за несколько месяцев до рождения сына. Адам был единственным ребенком молодой вдовы, и она

посвятила ему всю жизнь. Мальчик рос хрупким и болезненным, сторонясь шумных игр сверстников. Семья жила небогато, но и настоящей нужды не знала. К счастью, в Керколди была хорошая школа и учитель, не забивавший, по примеру многих, головы детей только цитатами из библии и латинскими спряжениями. Кроме того, Адама с детства окружали книги. Таковы были первые зачатки той необъятной учености, которая отличала Смита.

Правда, Смит не получил, по понятным причинам, такого блестящего образования, как аристократ Тьюрго. Он, в частности, никогда не имел хорошего учителя французского языка и так и не научился как следует говорить на нем, хотя читал свободно. Древние языки, без которых в XVIII в. нельзя было обойтись образованному человеку, он в значительной мере осваивал уже в университете (особенно древнегреческий).

Очень рано, в 14 лет (это было в обычаях того времени), Смит поступил в Глазговский университет. После обязательного для всех студентов класса логики (первого курса) он перешел в класс нравственной философии, выбрав тем самым гуманитарное направление. Впрочем, он занимался также математикой и астрономией и всегда отличался изрядными познаниями в этих областях. К 17 годам Смит имел среди студентов репутацию ученого и несколько странного малого. Он мог вдруг глубоко задуматься среди шумной компании или начать говорить с самим собой, забыв, об окружающих. Эти маленькие странности остались у него на всю жизнь. Успешно окончив в 1740 г. университет, Смит получил стипендию на дальнейшее обучение в Оксфордском университете. Стипендия выплачивалась из наследства одного богача-благотворителя. В Оксфорде он почти безвыездно провел шесть лет. С удивлением обнаружил Смит, что в прославленном университете почти ничему не учат и не могут научить. Невежественные профессора, почти все англиканские священники, занимались лишь интригами, политиканством и слежкой за студентами. Через 30 с лишним лет, в «Богатстве народов», Смит свел с ними счеты, вызвав взрыв их ярости. Он писал, в частности: «В Оксфордском университете большинство профессоров в течение уже многих лет совсем отказалось даже от видимости преподавания».

Профессора и надзиратели тщательно следили за чтением студентов, изгоняя вольнодумные книги. Жизнь Смита в Оксфорде была тяжелой, и он всегда вспоминал свой второй университет с ненавистью. Он тосковал и к тому же часто болел. Опять его единственными друзьями были книги. Круг чтения Смита был очень широк, но никакого особого интереса к экономической науке он в то время еще не проявлял.

Бесплодность дальнейшего пребывания в Англии и политические события (восстание сторонников Стюартов в 1745—1746 гг.) заставили Смита летом 1746 г. уехать в Керколди, где он прожил два года, продолжая заниматься самообразованием. В свои 25 лет Адам Смит поражал эрудицией и глубиной знаний в самых различных областях. Во время одной из своих поездок в Эдинбург он произвел столь сильное впечатление на Генри Хьюма (позже — лорд Кеймс), богатого помещика и мецената, что тот предложил организовать для молодого ученого цикл публичных лекций по английской литературе. В дальнейшем тематика его лекций, имевших значительный успех, изменилась. Их основным содержанием стало естественное право; это понятие включало в XVIII в. не только юриспруденцию, но и политические учения, социологию, экономику. Первые проявления специального интереса Смита к политической экономии также относятся к этому времени.

Видимо, в 1750—1751 гг. он уже высказывал основные идеи экономического либерализма. Во всяком случае, в 1755 г. он писал, особо оговариваясь, что эти мысли восходят к его лекциям в Эдинбурге: «Человек обычно рассматривается государственными деятелями и прожектерами (т. е. политиками.— *А. А.*) как некий материал для политической механики. Прожектеры нарушают естественный ход человеческих дел, надо же предоставить природе самой себе и дать ей полную свободу в преследовании ее целей и осуществлении ее собственных проектов... Для того чтобы поднять государство с самой низкой ступени варварства до высшей ступени благосостояния, нужны лишь мир, легкие налоги и терпимость в управлении; все остальное сделает естественный ход вещей. Все правительства, которые насильственно направляют события иным путем или пытаются приостановить развитие общества, противоестественны. Чтобы удержаться у власти, они вынуждены осуществлять угнетение и тиранию».

Это язык прогрессивной буржуазии XVIII в. с ее строгим отношением к государству, еще далеко не сбросившему полностью свою феодальную шкуру. В отрывке чувствуется мужественный, энергичный стиль, характерный для Смита. Это уже тот самый Смит, который в «Богатстве народов» с гневным сарказмом коснется «того коварного и хитрого создания, в просторечии называемого государственным деятелем или политиком, решения которого определяются изменчивыми и преходящими моментами». Думается, здесь не только отрицательное отношение буржуазного идеолога к тогдашнему государству, но и просто глубокая неприязнь интеллигента-демократа к бюрократам и политикам.

В 1751 г. Смит переехал в Глазго, чтобы занять там место профессора в университете. Сначала он получил кафедру логики, а потом — нравственной философии, т. е. практически общественных наук. В Глазго Смит прожил 13 лет, регулярно проводя 2—3 месяца в году в Эдинбурге. В старости он писал, что это был счастливейший период его жизни. Он жил в хорошо знакомой ему и близкой среде, пользуясь уважением профессоров, студентов и видных горожан. Он мог беспрепятственно работать, и от него многого ждали в науке. У него появился круг друзей, и он начал приобретать те характерные черты британца-холостяка и «клубмена» (клубного человека), которые сохранились у него до конца дней.

Как в жизни Ньютона и Лейбница, в жизни Смита женщина не играла никакой заметной роли. Сохранились, правда, смутные и недостоверные сведения, что он дважды — в годы жизни в Эдинбурге и в Глазго — был близок к женитьбе, но оба раза все по каким-то причинам расстроилось. Однако это, по-видимому, не нарушило его душевного равновесия. По крайней мере, никаких следов такого нарушения невозможно найти ни в его переписке (кстати, всегда скудной), ни в воспоминаниях современников.

Его дом всю жизнь вели мать и кузина — старая дева. Смит пережил мать только на шесть лет, а кузину — на два года. Как записал один приезжий, посетивший Смита, дом был «абсолютно шотландский». Подавалась национальная пища, соблюдались шотландские традиции и обычаи. Этот привычный жизненный уклад стал для него необходим. Он не любил надолго уезжать из дому и стремился скорее вернуться. Как истый шотландец, он любил красочные народные песни, пляски и поэзию. Однажды он изумил гостя-француза своим энтузиазмом на конкурсе народных музыкантов и танцоров. Одним из его последних заказов на книги было

несколько экземпляров только что вышедшего первого томика стихов Роберта Бернса. Читателю будет, вероятно, интересно узнать, что великий шотландский поэт в свою очередь высоко ценил Смита. В письме другу от 13 мая 1789 г. Берне говорит: «Маршалл с его Йоркширом и особенно этот исключительный человек Смит со своим «Богатством народов» достаточно занимают мой досуг. Я не знаю ни одного *человека*, который обладал бы половиной того ума, который обнаруживает Смит в своей книге. Я очень хотел бы узнать его мысли насчет нынешнего состояния нескольких районов мира, которые являются или были ареной больших изменений после того, как его книга была написана». В переписке Бернса есть также ссылки на другие работы Смита.

В 1759 г. Смит опубликовал свой первый большой научный труд — «Теорию нравственных чувств». Хотя книга об этике была для своего времени прогрессивным произведением, достойным эпохи и идей Просвещения, ныне она важна главным образом лишь как этап становления философских и экономических идей Смита. Он выступил против христианской морали, основанной на страхе перед загробной карой и обещании райского блаженства. Видное место в его этике занимает антифеодальная идея равенства. Каждый человек от природы равен другому, поэтому принципы морали должны применяться одинаково ко всем.

Но Смит исходил из абсолютных, «естественных» законов поведения людей и весьма смутно представлял себе, что этика определяется в своей основе социально-экономическим строем данного общества. Поэтому, отвергнув религиозную мораль и идеалистическое «врожденное нравственное чувство», он поставил на их место другой абстрактный принцип — «принцип симпатии». Он думал объяснить все чувства и поступки человека по отношению к другим людям его способностью «влезать в их шкуру», силой воображения ставить себя на место других людей и чувствовать за них. Как бы талантливо и порой остроумно ни разрабатывалась эта идея, она не могла стать основой научной материалистической этики. Смитова «Теория нравственных чувств» не пережила XVIII в. Не она обессмертила имя Смита, а, напротив, слава автора «Богатства народов» предохранила ее от полного забвения.

Между тем уже в ходе работы над «Теорией» направление научных интересов Смита заметно изменилось. Он все глубже и глубже занимался политической экономией. К этому его толкали не только внутренние склонности, но и внешние факторы, запросы времени. В торгово-промышленном Глазго экономические проблемы особенно властно вторгались в жизнь. В Глазго существовал своеобразный клуб политической экономии, организованный богатым и просвещенным мэром города. На еженедельных собраниях деловых людей и университетских профессоров не только хорошо ели и пили, но и толковали о торговле и пошлинах, заработной плате и банковом деле, условиях аренды земли и колониях. Скоро Смит стал одним из виднейших членов этого клуба. Знакомство и дружба с Юмом также усилили интерес Смита к политической экономии.

В конце прошлого века английский ученый-экономист Эдвин Кэннан обнаружил и опубликовал важные материалы, бросающие свет на развитие идей Смита. Это были сделанные каким-то студентом Глазговского университета, затем слегка отредактированные и переписанные записи лекций Смита. Судя по содержанию, эти лекции читались в 1762-1763 гг.

Из этих лекций прежде всего ясно, что курс нравственной философии, который читал Смит студентам, превратился к этому времени, по существу, в курс социологии и политической экономии. Он высказывал ряд замечательных материалистических мыслей, например: «До тех пор, пока нет собственности, не может быть и государства, цель которого как раз и заключается в том, чтобы охранять богатство и защищать имущих от бедняков». В чисто экономических разделах; лекций можно легко различить зачатки идей, получивших развитие в «Богатстве народов».

В 30-х годах XX столетия была сделана другая любопытная находка: набросок первых глав «Богатства народов». Английские ученые датируют этот документ 1763 г. Здесь тоже имеется ряд важных идей будущей книги: роль разделения труда, понятие производительного и непроизводительного труда и т. д. Некоторые вещи здесь даже особо заострены. О положении рабочих в капиталистическом обществе Смит пишет: «Бедный работник, который как бы тащит на своих плечах все здание человеческого общества, находится в самом низшем слое этого общества. Он придавлен всей его тяжестью и точно ушел в землю, так что его даже и не видно на поверхности». В этих работах содержится также весьма острая критика меркантилизма и обоснование *laissez faire*.

Таким образом, к концу своего пребывания в Глазго Смит уже был глубоким и оригинальным экономическим мыслителем. Но он еще не был готов к созданию своего главного труда. Трехлетняя поездка во Францию (в качестве воспитателя юного герцога Баклю) и личное знакомство с физиократами завершили его подготовку.

Смит во Франции

Через полвека после описываемых событий Жан Батист Сэи расспрашивал старого Дюпона о подробностях пребывания Смита в Париже в 1765—1766 гг. Дюпон отвечал, что Смит бывал в «антресольном клубе» доктора Кенэ. Однако на собраниях физиократов он сидел смирно и больше молчал, так что в нем нельзя было угадать будущего автора «Богатства народов». Аббат Морелле, ученый и писатель, с которым шотландец подружился в Париже, в своих мемуарах рассказывает о Смите, что «месье Тюрго... высоко ценил его талант. Мы виделись с ним много раз. Он был представлен у Гельвеция. Мы говорили о теории торговли, о банках, государственном кредите и многих вопросах большого сочинения, которое он замыслил». Из писем известно также, что Смит сблизился с математиком и философом д'Аламбером и великим борцом против невежества и суеверий бароном Гольбахом. Выходит, он не только молчал, но иногда и говорил.

До Парижа Смит и его воспитанник герцог Баклю провели полтора года в Тулузе и несколько месяцев в Женеве. Смит посетил Вольтера в его поместье в окрестностях Женевы и имел с ним несколько бесед. Он считал Вольтера величайшим из живущих французов и не разочаровался в нем.

Можно сказать, что Смит попал во Францию как раз вовремя. С одной стороны, он уже был достаточно сложившимся и зрелым ученым и человеком, чтобы не подпасть под влияние физиократов (это случилось со многими умными иностранцами, не исключая Франклина). С другой стороны, его система еще полностью не сложилась у него в голове: поэтому он оказался способным воспринять полезное влияние Кенэ и Тюрго.

Вопрос о зависимости Смита от физиократии, и особенно от Тюрго,

имеет долгую историю. Еще Дюпон де Немур однажды довольно неосмотрительно заявил, что главные идеи «Богатства народов» заимствованы у его друга и покровителя. Во второй половине XIX в. по этому вопросу возникла довольно большая литература. Поэтому открытие профессором Кэннаном глазговских лекций Смита было не только его личным успехом, но в некотором роде утверждением британского патриотизма: было доказано, что многие основные теоретические идеи Смита сложились до его поездки во Францию и до расцвета физиократии.

Впрочем, для доказательства независимости и заслуг Смита не требовалось этого открытия. Маркс показал действительное соотношение системы физиократов и Смита (в особенности в первых главах «Теорий прибавочной стоимости»), еще не зная хронологии его работ. Смит глубже проник во внутреннюю физиологию буржуазного общества. Идя в русле английской традиции, Смит построил свою экономическую теорию на фундаменте трудовой теории стоимости, тогда как физиократы вообще не имели, в сущности, теории стоимости. Это позволило ему сделать по сравнению с физиократами важнейший шаг вперед, сказав, что всякий производительный труд создает стоимость, а отнюдь не только земледельческий. Смит имеет более ясное, чем физиократы, представление о классовой структуре буржуазного общества. Правда, Тюрго, как мы видели, высказал по этому поводу замечательные мысли, но у него это только наброски, эскизы, а у Смита — большое, тщательно отработанное полотно.

Вместе с тем есть области, в которых физиократы стояли выше, чем Смит. Это в особенности касается гениальных идей Кенэ о механизме капиталистического воспроизводства.

Смит вслед за физиократами считал, что капиталисты могут накапливать только ценой лишений, воздержания, отказа от потребления. Но у физиократов было при этом по крайней мере то логическое основание, что, по их мнению, капиталистам «не из чего» накапливать, так как промышленный труд «бесплоден». У Смита нет даже этого оправдания. Смит непоследователен в своем тезисе о равноправии, экономической равноценности всех видов производительного труда. Он явно не мог избавиться от представления, что земледельческий труд с точки зрения создания стоимости все-таки заслуживает предпочтения: здесь, мол, вместе с человеком «работает» сама природа. Эта ошибка Смита вызвала протест со стороны Рикардо.

Отношение Смита к физиократам было совершенно иным, чем к меркантилизму. В меркантилистах он видел идейных противников и, при всей своей профессорской сдержанности, не жалел для них критических резкостей (иногда даже неразумных). В физиократах он видел в общем союзников и друзей, идущих к той же цели несколько иной дорогой. Вывод его в «Богатстве народов» гласит, что «изложенная теория, при всех ее несовершенствах, пожалуй, ближе всего подходит к истине, чем какая-либо другая теория политической экономии, до сих пор опубликованная». В другом месте он пишет, что физиократия по крайней мере «никогда не причиняла и, вероятно, не причинит ни малейшего вреда ни в одной части земного шара».

Последнее замечание можно принять за шутку. Так шутит Адам Смит: почти незаметно, сохраняя невозмутимую серьезность. В «Теории нравственных чувств» есть такая шутка: потерю человеком ноги надо

несомненно признать гораздо более тяжелой бедой, чем потеря любовницы; однако второе стало в литературе предметом многих отличных трагедий, тогда как из первого трагедии при всем желании не сделаешь. Он был, видимо, таков и в жизни. Однажды в Глазго на торжественном обеде в университете сосед по столу, приезжий из Лондона, с удивлением спросил его: почему все с таким почтением обращаются к одному присутствующему молодому человеку, хотя он явно не блестящего ума. Смит ответил: «Мы знаем это, но дело в том, что он — единственный лорд в нашем университете». Сосед, вероятно, так и не понял, была это шутка или нет.

Франция присутствует в книге Смита не только в идеях, прямо ли, косвенно ли связанных с физиократией, но и в великом множестве разных наблюдений (включая личные), примеров и иллюстраций. Общий тон всего этого материала критический. Для Смита Франция с ее феодально-абсолютистским строем и оковами для буржуазного развития — самый яркий пример противоречия фактических порядков идеальному «естественному порядку». Нельзя сказать, что в Англии все хорошо, но в общем и целом ее строй гораздо больше приближается к «естественному порядку» с его свободой личности, совести и — главное — предпринимательства.

Что означали три года во Франции для Смита лично, в человеческом смысле? Во-первых, резкое улучшение его материального положения. По соглашению с родителями герцога Баклю он должен был получать 300 фунтов в год не только во время путешествия, но в качестве пенсии до самой смерти. Это позволило Смицу следующие 10 лет работать только над его книгой; в Глазговский университет он уже не вернулся. Во-вторых, все современники отмечали изменение в характере Смита: он стал собраннее, деловитее, энергичнее и приобрел известный навык в обращении с различными людьми, в том числе и сильными мира сего. Впрочем, светского лоска он не приобрел и остался в глазах большинства знакомых чудаковатым и рассеянным профессором. Рассеянность Адама Смита скоро срослась с его славой и для обывателей стала ее составной частью.

«Экономический человек»

Смит провел в Париже около года — с декабря 1765 г. по октябрь 1766 г. Поскольку центрами умственной жизни Парижа были литературные салоны, там он в основном и общался с философами. «Антресольный клуб» в Версале составлял в этом смысле исключение. Он был сразу же введен в большой салон мадам Жоффрен, но особенно любил бывать у мадемуазель Леспинасс, подруги д'Аламбера, где собирался более узкий и интимный круг друзей. Нередко посещал он и дома богачей-философов Гельвеция и Гольбаха, являвшиеся своего рода штаб-квартирами энциклопедистов.

Смит всегда любил театр, хотя в Шотландии пуританская церковь почти не допускала это «богопротивное зрелище». Особенно ценил он французскую классическую трагедию. Его гидом по парижским театрам была мадам Риккони, писательница и в прошлом актриса, друг многих философов. От нее он получил при отъезде рекомендательное письмо в Лондон к знаменитому актеру и режиссеру Давиду Гаррику, который незадолго до этого побывал в Париже. Письмо наполнено похвалами уму и остроумию Смита. Это могло бы быть преувеличением и лестью, если бы не повторялось в другом письме, которое мадам Риккони вскоре послала Гаррику почтой.

Впоследствии Смит был довольно хорошо знаком с Гарриком.

При всем том Смит, конечно, вовсе не занимал в парижских салонах такого места, которое в течение трех предыдущих лет занимал его друг Юм, а через 10 лет — Франклин. Смит не был создан, чтобы блистать в обществе, и хорошо сознавал это.

Можно думать, что особое значение для Смита имело знакомство с Гельвецией, человеком большого личного обаяния и замечательного ума. В своей философии Гельвеции, стремясь освободить этику от церковно-феодальных оков, объявил эгоизм естественным свойством человека и фактором прогресса общества. Новая, в сущности буржуазная, этика строилась на своекорыстном интересе, на естественном стремлении каждого к своей выгоде, ограничиваемом только таким же стремлением других людей. Гельвеции сравнивал роль своекорыстного интереса в обществе с ролью всемирного тяготения в природе. С этим связана идея природного равенства людей: каждому человеку, независимо от рождения и положения, должно быть предоставлено равное право преследовать свою выгоду, и от этого выиграет все общество.

Такие идеи были близки Смицу. Они не были новы для него: нечто схожее он воспринял от философов Локка и Юма и из парадоксов Мандевиля. Но конечно, яркость аргументации Гельвеция оказала на него особое влияние. Смит развил эти идеи и применил их к политической экономии. Созданное Смитом представление о природе человека и соотношении человека и общества легло в основу взглядов классической школы. Понятие *homo oeconomicus* (экономический человек) возникло несколько позже, но его изобретатели опирались на Смита. Знаменитая формулировка о «невидимой руке», может быть, является чаще всего цитируемым местом из «Богатства народов».

Что такое «экономический человек» и «невидимая рука»?

Ход мыслей Смита можно представить себе примерно так. Главным мотивом хозяйственной деятельности человека является своекорыстный интерес. Но преследовать свой интерес человек может, только оказывая услуги другим людям, предлагая в обмен свой труд и продукты труда. Так развивается разделение труда. Люди помогают друг другу и одновременно способствуют развитию общества, хотя каждый из них — эгоист и печется только о своих интересах. Естественное стремление людей улучшить свое материальное положение — это такой мощный стимул, что, если ему предоставить действовать без помехи, он сам собой способен привести общество к благосостоянию. Более того, как говорится, гони природу в дверь — она войдет в окно: этот стимул даже способен «преодолеть сотни досадных препятствий, которыми безумие человеческих законов так часто затрудняет его деятельность...». Здесь Смит резко выступает против меркантилизма, ограничивающего «естественную свободу» человека — свободу продавать и покупать, нанимать и наниматься, производить и потреблять.

Каждый отдельный человек стремится использовать свой капитал (как видим, речь, в сущности, идет не просто о человеке, а о капиталисте) так, чтобы продукт его обладал наибольшей стоимостью. Обычно он и не думает при этом об общественной пользе и не сознает, насколько содействует ей. Он имеет в виду лишь собственный интерес, но «в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой (подчеркнуто мной.— А. А.) направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения... Преследуя свои

собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это».

Не связано ли это понятие о «невидимой руке» с каким-то высшим, всезнающим и творящим благо существом, короче говоря, с богом? Американский ученый Джекоб Вайнер провел интересное исследование текста «Теории нравственных чувств» и «Богатства народов» с этой точки зрения и установил следующее. В своей первой книге Смит тоже исходит из наличия в мире естественной гармонии, но там эта гармония поддерживается высшей силой, которую Смит называет по-разному: «великий Кормчий Природы», «Творец Природы», «Провидение» и попросту «Бог». В «Богатстве народов» бог под собственным именем и под всеми своими псевдонимами совершенно исчезает. Там есть одно лишь упоминание о боге, которое, как замечает Вайнер, никак не могло порадовать теологов. Смит говорит, что ранее суеверие приписывало явления природы вмешательству богов, но позже наука нашла им естественное объяснение.

«Невидимая рука» — это стихийное действие объективных экономических законов. Эти законы действуют помимо воли людей и часто против их воли. Введя в такой форме в науку понятие об экономическом законе, Смит сделал важный шаг вперед. Этим он, по существу, поставил политическую экономию на научную основу. Условия, при которых наиболее эффективно осуществляется благотворное действие своекорыстного интереса и стихийных законов экономического развития, Смит называл естественным порядком. У Смита и у последующих поколений политико-экономов это понятие имеет как бы двойной смысл. С одной стороны, это принцип и цель экономической политики, т. е. политики *laissez faire* (см. ниже), с другой — это теоретическая конструкция, «модель» для изучения экономической действительности.

В физике как полезнейшие орудия познания природы применяются абстракции идеального газа и идеальной жидкости. Реальные газы и жидкости не ведут себя «идеально» или ведут себя так лишь при некоторых определенных условиях. Однако имеет большой смысл абстрагироваться от этих нарушений, чтобы изучать явления «в чистом виде». Нечто подобное представляет собой в политической экономии абстракция «экономического человека» и свободной (совершенной) конкуренции. Реальный человек не может быть сведен к своекорыстному интересу. Точно так же при капитализме никогда не было и не может быть абсолютно свободной конкуренции. Однако наука не смогла бы изучать массовидные экономические явления и процессы, если бы она не делала известных допущений, которые упрощают, моделируют бесконечно сложную и разнообразную действительность, выделяют в ней важнейшие черты. С этой точки зрения абстракция «экономического человека» и свободной конкуренции была вполне оправданной и сыграла важнейшую роль в экономической науке. В особенности соответствовала она реальности капитализма XVIII и XIX столетий.

Приведем два примера из марксистской экономической теории.

Закон стоимости действует в товарном хозяйстве, основанном на частной собственности, как стихийный регулятор и двигатель производства. Если, например, данный товаропроизводитель уменьшает, благодаря каким-то техническим нововведениям, рабочее время, которое он затрачивает на выпуск единицы товара, то снижается индивидуальная стоимость этого

товара. Но общественная стоимость, которая определяется средними общественными затратами рабочего времени, при прочих равных условиях не меняется. Наш искусный товаропроизводитель будет продавать каждую единицу своего товара по прежней цене, определяемой в принципе общественной стоимостью, и получать дополнительный доход, поскольку, скажем, за рабочий день он производит на 25% больше единиц товара, чем остальные. Очевидно, товаропроизводители-конкуренты постараются перенять новую технику. Таков в своей первооснове механизм «стимулирования технического прогресса». Результатом действия описанных стихийных факторов, независимых от воли людей, будет уменьшение общественно необходимых затрат труда на единицу товара и снижение общественной стоимости. Нетрудно видеть, что каждый товаропроизводитель действует здесь как «экономический человек», стремясь максимизировать свой доход, а условия, в которых происходит действие,— это условия свободной конкуренции.

Другой пример — образование средней нормы прибыли в условиях капитализма свободной конкуренции. Немыслимо, чтобы в течение сколько-нибудь длительного времени норма прибыли в разных отраслях предпринимательства была существенно различной. Объективной необходимостью является уравнивание нормы прибыли. Механизм, который обеспечивает это уравнивание, заключается в межотраслевой конкуренции и переливе капитала из отраслей с более низкой нормой прибыли в отрасли с более высокой нормой. Опять-таки ясно, что капиталист здесь рассматривается лишь с одной стороны — как воплощение стремления к прибыли. Условие о неограниченной возможности перелива капитала равнозначно условию о свободной конкуренции. Разумеется, в действительности всегда были факторы, ограничивающие свободу перелива капитала, и Маркс их хорошо знал. Но эти факторы должны быть введены в модель лишь после того, как она рассмотрена «в идеальном виде».

Капиталист, по выражению Маркса, есть персонифицированный капитал. Иначе говоря, для политической экономии не могут иметь значение личные свойства каждого отдельного капиталиста. Для науки он интересен лишь потому и постольку, поскольку в нем выражаются общественные отношения капитала. Маркс говорит о капиталисте: «...движущим мотивом его деятельности являются не потребление и потребительная стоимость, а медовая стоимость и ее увеличение. Как фанатик увеличения стоимости, он безудержно понуждает человечество к производству ради производства, следовательно к развитию общественных производительных сил и к созданию тех материальных условий производства, которые одни только могут стать реальным базисом более высокой общественной формы, основным принципом которой является полное и свободное развитие каждого индивидуума. Лишь как персонификация капитала капиталист пользуется почетом».

Если внимательно присмотреться, здесь ощутимо некоторое родство с изложенными выше мыслями Смита. Но вывод, как видим, совершенно иной. У Смита капиталист, преследуя свою выгоду, бессознательно укрепляет капитализм. У Маркса он, действуя в общем таким же образом, не только развивает производительные силы капитализма, но и объективно готовит его закономерный конец. С этим связано и другое принципиальное отличие. Маркс рассматривает человека с позиции своего исторического материализма

как продукт "длительного общественного развития. Этот человек как объект политической экономии существует лишь в рамках данного конкретного классового общества и действует в соответствии с его законами. Для Смита же его homo oeconomicus — выражение вечной и естественной человеческой природы. Это не продукт развития, а скорее его исходный пункт.

Концепцией «экономического человека» Смит поставил вопрос колоссальной теоретической и практической важности: о мотивах и стимулах хозяйственной деятельности человека. И он дал плодотворный и глубокий для своего времени ответ на этот вопрос, если иметь в виду, что под его «естественным» человеком скрывался действительный человек буржуазного общества.

С проблемой мотивов и стимулов столкнулся и социализм, став из научной теории социально-экономической действительностью. С крушением капитализма, с полной ликвидацией эксплуатации человека человеком исчезли и чисто буржуазные стимулы хозяйственной деятельности человека. Уже Остап Бендер, как известно, убедился, что стремление стать миллионером утратило реальную почву в социалистическом обществе.

Но чем может быть заменена страсть людей к обогащению, которая в конечном счете, как говорил еще Адам Смит, толкает вперед капиталистическое производство? Может быть, просто социалистическим сознанием, трудовым энтузиазмом, патриотизмом? Ведь капиталистов нет, заводы, фабрики и поля принадлежат народу, люди работают на себя... Именно так рассуждали и рассуждают иные люди, считающие себя самыми правверными коммунистами.

Да, социализм порождает новые и мощные стимулы к труду и деятельности. В этом его величайшее преимущество перед капитализмом. Но полагаться только на эти новые стимулы — значило бы загубить дело социалистического строительства. Они не появляются как по волшебству, а развиваются в ходе глубокого социалистического преобразования общества и самих людей, их психологии, морали, сознания. В обществе, где действует принцип распределения по труду, материальный интерес закономерно остается важнейшим трудовым стимулом. Разработанные на основе идей Ленина принципы хозяйственного расчета стали главным методом социалистического хозяйствования. Осуществляемая в настоящее время в нашей стране экономическая реформа является развитием и углублением этих принципов в новых условиях высокоразвитой социалистической экономики.

Laissez faire

Политика laissez faire, или, как выражается Смит, естественной свободы, прямо вытекает из его взглядов на человека и общество. Если экономическая деятельность каждого человека ведет в конечном счете к благу общества, то ясно, что эту деятельность не надо ничем стеснять.

Смит считал, что при свободе передвижения товаров и денег, капитала и труда ресурсы общества будут использоваться самым рациональным, оптимальным образом. Свобода конкуренции была альфой и омегой его экономического учения. Она проходит красной нитью через все «Богатство народов». Этот принцип Смит применял даже к врачам, университетским профессорам и... попам. Если, мол, предоставить священникам всех вероисповеданий и сект свободно конкурировать между собой, не давать ни одной группе привилегий и тем более монополии, то они будут наиболее

безвредны (а это, как он намекает, и есть их наивысшая эффективность). Из веры в благотворность своекорыстного интереса и свободы конкуренции вытекал исторический оптимизм Смита. Он был, конечно, отражением неизбежной победы нового буржуазного строя над феодализмом. Оптимизм Смита не был, однако, сродни бездумной вере героя вольтеровского «Кандида» Панглосса, что все к лучшему в этом лучшем из миров. Он слишком хорошо знал, какие мощные силы выступают против экономической свободы.

Как и во многих других вопросах, роль Смита заключается не в том, что он открыл принцип *laissez faire*, а в том, что он обосновал его с наибольшей основательностью и систематичностью. Хотя родился этот принцип во Франции, развить его до логического конца и положить в основу экономической теории должен был британец. Англия, превращавшаяся в самую развитую промышленную страну мира, была уже объективно заинтересована в свободе торговли. Во Франции мода на физиократию была в большой мере капризом просвещенных и либеральных аристократов и прошла очень скоро. В Англии «мода» на Смита превратилась в символ веры буржуазии и обуржуазившегося дворянства. Экономическая политика английского правительства на протяжении следующего столетия была в известном смысле осуществлением смитовой программы.

Первые шаги были сделаны еще при жизни Смита. Сохранился такой любопытный рассказ. В последние годы жизни Смит был уже знаменит. Будучи в 1787 г. в Лондоне, Смит приехал в дом одного знатного вельможи. В гостиной было большое общество, включавшее премьер-министра Уильяма Питта. Когда вошел Смит, все встали. По своей профессорской привычке он поднял руку и сказал: «Прошу садиться, господа». Питт на это ответил: «После вас, доктор, мы все здесь ваши ученики». Возможно, это только легенда. Но она правдоподобна. Питт действительно провел ряд мер в области торговли, по своему духу соответствовавших идеям «Богатства народов». Смит нигде не формулирует свою программу по пунктам. Но это можно без особого труда сделать. Конкретно *laissez faire* у Смита означает следующее.

Во-первых, он требует отмены всех мер, ограничивающих, выражаясь современным языком, мобильность рабочей силы. Прежде всего речь идет о таких феодальных пережитках, как обязательное ремесленное ученичество и закон о поселении. Ясно, что объективный смысл этого требования заключается в обеспечении свободы действий для капиталистов. Но надо помнить об эпохе, когда писал Смит: британский рабочий класс в то время страдал еще не столько от капитализма, сколько от недостаточности его развития. Поэтому требование Смита было прогрессивным и даже гуманным.

Во-вторых, Смит выступил за полную свободу торговли землей. Он был противником крупного землевладения и предлагал отменить законы, препятствующие дроблению наследственных земель. Смит был за то, чтобы земли переходили в руки собственников, способных использовать их более экономично или склонных пускать землю в оборот. Все это направлено на развитие капитализма в сельском хозяйстве.

В-третьих, Смит предлагал отменить остатки правительственной регламентации промышленности и внутренней торговли. Акцизы (косвенные налоги), которыми облагается продажа некоторых товаров на внутреннем рынке, должны вводиться только ради бюджетных доходов, а не для

воздействия на хозяйство. В Англии уже не было пошлин, взимаемых при перевозке товаров внутри страны. Но тем острее и актуальнее звучала эта критика Смита для Франции.

В-четвертых, Смит подверг детальной критике всю внешнеторговую политику Англии и разработал программу свободы внешней торговли. Это — важнейшее его требование, и оно наиболее непосредственным образом направлено против меркантилизма. Так родилось фритредерство, ставшее в XIX в. знаменем английской промышленной буржуазии.

Под огонь Смита попадает весь арсенал меркантилистской политики: стремление к обязательной активности платежного баланса, запрещение ввоза и вывоза определенных товаров, высокие импортные пошлины, премии за экспорт, монопольные торговые компании. Особенно резко он выступил против английской колониальной политики, прямо заявляя, что она диктуется не интересами нации, а интересами кучки торгашей. Смит считал близорукой и нелепой политику удушения промышленности и ограничения торговли, которую Англия проводила в Ирландии и особенно в североамериканских колониях. Он писал: «Запрещение целому народу выделять из продукта своего труда все то, что он может, или затрачивать свой капитал и промышленный труд таким образом, как он считает для себя наиболее выгодным, представляет собою явное нарушение самых священных прав человечества».

Это опубликовано в 1776 г., когда Англия уже вела войну против восставших колонистов. Смит относился к американскому республиканизму с симпатией, хотя, оставаясь добрым британцем, выступал не за отделение колоний, а за создание полностью равноправного союза между Англией и колониями. Не менее смело высказывался он о политике грабежа и угнетения, которую проводила Ост-Индская компания в Индии. Следует также учесть, что Смит в своей книге написал немало язвительных и суровых слов о церкви и системе университетского образования. Правда, в Англии он не рисковал ни головой, ни свободой и мог особенно не опасаться тюрьмы, где в разное время побывали иные из его французских друзей: Вольтер, Дидро, Морелле, даже Мирабо. Но он знал, как чувствительны могут быть ненависть и нападки англиканских попов, университетских властей и газетных писак. Он боялся всего этого и не скрывал, что боится.

Привлекательность личности Смита состоит в том, что он, человек от природы осторожный и опасливый, все же написал и напечатал свою смелую книгу.

Глава 10

СОЗДАТЕЛЬ СИСТЕМЫ: АДАМ СМИТ

Богатство народов

В предыдущей главе мы несколько забежали вперед: между возвращением Смита из Франции и выходом в свет «Богатства народов» прошло 10 лет. Полгода Смит провел в Лондоне, выполняя обязанности своего рода неофициального эксперта при министре финансов. Весной 1767 г. он уединился в Керколди и прожил там почти безвыездно шесть лет, которые целиком посвятил работе над книгой. В одном из писем он жалуется, что однообразие жизни и чрезмерная концентрация сил и внимания на одном предмете подрывают его здоровье. Уезжая в 1773 г. в Лондон, Смит

чувствовал себя настолько плохо, что на случай смерти счел нужным формально передать Юму права на свое литературное наследство.

Смит думал, что едет с готовой рукописью. На самом деле ему понадобилось еще около трех лет, чтобы закончить работу. «Богатство народов» отделено от первых экономических опытов Смита в эдинбургских лекциях четвертью века. Поистине, это было дело всей его жизни.

Смит имел в Керколди некоторые готовые наброски будущего сочинения, а в голове — многие идеи, которые предстояло развить. Но кроме того, он привез из Франции и Лондона несколько ящиков книг и продолжал заказывать книги, живя в Керколди. По его просьбе Тюрго, в это время ставший министром, прислал ему, например, составленный французскими авторами справочник о налоговых системах европейских государств. Он продолжал много читать, особенно французских авторов, изучал весьма скудные в то время статистические отчеты, штудировал законы и практику регулирования внешней торговли.

Смиту всю жизнь было трудно писать собственной рукой. Это одна из причин немногочисленности и лаконизма его писем. Текст «Богатства народов», как и других своих сочинений, Смит диктовал секретарю-писцу. Потом он правил и обрабатывал рукопись и отдавал ее переписывать набело.

Смит обладал удивительной способностью быть незаметным человеком. Бытописатели эпохи, оставившие подробные характеристики давно забытых и не играющих ныне никакой роли личностей, чаще всего молчат о нем или говорят что-нибудь между прочим. Немногим, что известно о жизни Смита в эти годы, мы обязаны Джемсу Босуэлу, этому королю биографов, автору знаменитой «Жизни Сэмюэла Джонсона». Босуэл боготворил Джонсона и недолго любил Смита. Тем не менее один его отзыв хорошо рисует характер Смита: «Смит был человек необычайного трудолюбия, а его голова всегда была заполнена массой всевозможных проблем». В дневниковой записи от 2 апреля 1775 г. Босуэл рассказывает, что он утром посетил Смита в снимаемой им квартире на Саффолк-стрит и застал его за работой: он диктовал секретарю. Смит сказал ему, что заканчивает свою работу и что он решил «сделать книгу полной», сняв в ней ссылки на другие сочинения. Босуэлу это послужило поводом для шутливой разговора с одним из друзей, но в действительности здесь заключается важная проблема.

Карл Маркс писал: «Свое мудрое шотландское изречение: «если вы приобрели немного, то зачастую легко будет приобрести многое, но трудность состоит в том, чтобы приобрести немного», *Адам Смит* применил и к духовному богатству и потому с мелочной заботливостью скрывал источники, которым он обязан тем немногим, из чего он сделал поистине многое. Неоднократно предпочитает он притуплять острие вопроса там, где резкая формулировка заставила бы его свести счеты со своими предшественниками».

Смит умудрился даже не упомянуть в своей книге Петти, Норса, Мандевиля, Джемса Стюарта, Тюрго — авторов, многие идеи которых он молчаливо принял. Чем это объясняется? Можно лишь высказать некоторые соображения. В какой-то мере это было в духе времени: сотни петитных сносок были тогда не очень в моде, Смит, конечно, не мог предвидеть, какое место займет его книга в экономической науке. Но он, очевидно, сознавал в какой-то мере значение своих научных обобщений, свою роль систематизатора экономической науки и не был чужд тщеславия.

Методичный и уравновешенный, он не любил прерывать гладкий поток изложения ненужными (как ему казалось) ссылками и скрешивать шпаги в теоретическом споре. Весь свой заряд критики он потратил на меркантилистов, причем был в этой критике нередко односторонним и необъективным. Все многообразие и богатство меркантилистской литературы он рассматривал только с точки зрения своей системы, не умея и не желая выделять в меркантилизме научные элементы, рациональное зерно. Осторожный и неторопливый, он не любил резких и категорических формулировок. никоим образом не относился он к людям, которым, как говорит русская поговорка, ради красного словца не жаль родного отца.

«Исследование о природе и причинах богатства народов» вышло в свет в Лондоне в марте 1776 г. Сочинение Смита состоит из пяти книг. Основы его теоретической системы, в которой завершены и обобщены многие идеи английских и французских экономистов предыдущего столетия, изложены в двух первых книгах. В первой содержится, по существу, анализ стоимости и прибавочной стоимости, которую Смит рассматривает в конкретных формах прибыли и земельной ренты. Вторая книга носит заглавие «О природе капитала, его накоплении и применении». Далее мы рассмотрим эти вопросы несколько подробнее. Остальные три книги представляют собой приложение теории Смита отчасти к истории, а в основном к экономической политике. В небольшой третьей книге речь идет о развитии экономики Европы в эпоху феодализма и становления капитализма. Обширная четвертая книга — история и критика политической экономии; восемь глав посвящены меркантилизму, одна — физиократии. Самая большая по объему, пятая книга посвящена финансам — расходам и доходам государства; здесь изложены взгляды Смита на государство.

«Богатство народов» безусловно одна из самых занимательных книг в истории политической экономии. Как заметил Уолтер Бэджгот, это не только экономический трактат, но и «очень любопытная книга о старых временах».

Она заметно отличается от суховатых аналитических эскизов Кенэ, теорем Тюрго и от «Принципов» Рикардо с их разреженной атмосферой глубокой абстракции.

Смит вложил в свое сочинение огромную эрудицию, тонкую наблюдательность и оригинальный юмор. Из «Богатства народов» можно вычитать тьму любопытных вещей о колониях и университетах, военном деле и банках, серебряных рудниках и контрабанде... и о многом другом. С современной точки зрения, многое из этого едва ли имеет прямое отношение к экономической теории. Но для Смита политическая экономия и была именно такой почти всеобъемлющей наукой об обществе.

Основной метод исследования в политической экономии — метод логической абстракции. Выделив в экономике ряд основных исходных категорий и связав их принципиальными зависимостями, можно далее анализировать все более сложные и конкретные общественные явления. Адам Смит развивал этот научный метод. Он попытался построить свою систему, положив в основу такие категории, как разделение труда, обмен, меновая стоимость, и идя далее к доходам основных классов. Его многочисленные отступления и описания можно в этом смысле рассматривать как фактические иллюстрации, имеющие определенную доказательность и ценность. Но Смит не смог удержаться на этом высоком уровне научного исследования. Описательство, поверхностные представления часто захватывали его, и он

оставлял свой более глубокий аналитический подход. Эта двойственность была объективно обусловлена эпохой и местом Смита в науке, субъективно — особенностями его интеллекта.

Маркс в связи с этим писал: «Сам Смит с большой наивностью движется в постоянном противоречии. С одной стороны, он прослеживает внутреннюю связь экономических категорий, или скрытую структуру буржуазной экономической системы. С другой стороны, он ставит рядом с этим связь, как она дана видимым образом в явлениях конкуренции и как она, стало быть, представляется чуждому науке наблюдателю, а равно и человеку, который практически захвачен процессом буржуазного производства и практически заинтересован в нем. Оба эти способа понимания, из которых один проникает во внутреннюю связь буржуазной системы, так сказать в ее физиологию, а другой только описывает, каталогизирует, рассказывает и подводит под схематизирующие определения понятий то, что внешне проявляется в жизненном процессе, в том виде, в каком оно проявляется и выступает наружу,— оба эти способа понимания у Смита не только преспокойно уживаются один подле другого, но и переплетаются друг с другом и постоянно друг другу противоречат». Далее Маркс говорит, что двойственность Смита имеет свое оправдание, так как его задача действительно была двоякой. Стремясь привести экономические знания в систему, он должен был не только абстрактно анализировать внутренние связи, но и описать буржуазное общество, подобрать номенклатуру определений и понятий. Эта двойственность Смита, его непоследовательность в проведении основных научных принципов имела большое значение для дальнейшего развития политической экономии. Давид Рикардо был, вероятно, первым, кто критиковал шотландца, защищая Смита-аналитика от Смита-описателя. Вместе с тем на «Богатство народов» могли опираться и те авторы, которые, в отличие от Рикардо, развивали поверхностные, вульгарные представления Смита.

Смит имел глубокое представление о предмете политической экономии как науки, сохраняющее свое значение до настоящего времени. Политическая экономия имеет две стороны. Прежде всего, это наука, изучающая объективные, существующие независимо от воли людей, законы производства, обмена, распределения и потребления материальных благ в данном обществе. Формулируя во введении тематику двух первых книг своего исследования, Смит, по существу, излагает это понимание политической экономии. Он будет рассматривать в них *причины* роста производительности общественного труда, *естественный* порядок распределения продукта между различными *классами* и группами людей в обществе, *природу капитала* и способы его постепенного *накопления*.

Это *позитивный*, аналитический подход к экономической структуре общества. Изучается то, что есть в действительности, как и почему эта действительность развивается. Важно, что Смит видит в политической экономии прежде всего анализ *социальных* проблем, отношений между классами общества.

Но есть и другая сторона. По мнению Смита, политическая экономия должна на основе объективного анализа решать практические задачи: обосновывать и рекомендовать такую *экономическую политику*, которая могла бы «обеспечить народу обильный доход или средства существования, а точнее, обеспечить ему возможность добывать себе их...». Политическая

экономия должна, следовательно, вести дело к тому, чтобы в обществе действовал порядок, создающий максимально благоприятные условия для роста производительных сил.

Это — *нормативный*, практический подход. Экономист при таком подходе пытается ответить на вопрос, что и как делать для «роста богатства».

Как правило, оба метода тесно взаимосвязаны и в любой экономической концепции один дополняет другой. Однако, как мы увидим ниже, для многих крупных ученых было в дальнейшем характерно преобладание либо первого, либо второго подхода: если «школа Сэя» кичилась своим «позитивизмом», декларативно отказываясь от нормативных рекомендаций, то Сисмонди, напротив, видел в политической экономии прежде всего науку о том, как преобразовать общество в желанном с его точки зрения направлении. Смит же, со свойственной ему многогранностью, очень органично соединял оба подхода.

Разделение труда

Смит начинает свою книгу с разделения труда, изображая его как главный фактор роста производительности общественного труда. Само изобретение и совершенствование орудий и машин он связывает с разделением труда. Смит приводит свой знаменитый пример с булавочной мануфактурой, где специализация рабочих и разделение операций между ними позволяют во много раз увеличить производство. Далее во всей книге, как отмечает автор предисловия к последнему русскому изданию «Богатства народов» В. С. Афанасьев, «разделение труда является своего рода исторической призмой, сквозь которую А. Смит рассматривает экономические процессы». Мы уже видели, что с разделением труда у Смита связано представление об «экономическом человеке» и мотивах хозяйственной деятельности. Отсюда же он исходит, трактуя проблему стоимости, функции денег и многое другое.

Чтобы лучше понять это, надо еще раз вспомнить исторические условия тогдашней эпохи и общее направление работы Смита. Центральная идея Смита, венчающая собой столетнее развитие английской политической экономии, состоит в том, что источником всякого богатства в натуральной и стоимостной форме является труд. Капитал важен лишь в той мере, в какой он дает занятие труду. Он говорит, что «богатство» общества, т. е. объем производства и потребления продуктов зависит от двух факторов:

- 1) доли населения, занятого производительным трудом, и
- 2) производительности труда. Смит дальновидно заметил, что несравненно большее значение имеет второй фактор. Поставив вопрос, что определяет производительность труда, он дал вполне закономерный для своего времени ответ: разделение труда. Действительно, на мануфактурной стадии развития капитализма, когда машины еще были редкостью и преобладал ручной труд, именно разделение труда было главным фактором роста его производительности.

Разделение труда бывает двоякого рода. Рабочие, занятые на одной мануфактуре, специализируются на разных операциях и совместно производят готовый продукт, к примеру те же булавки. Это один вид. Совсем другой — разделение труда в обществе, между отдельными предприятиями и отраслями. Скотовод выращивает скот и *продает* его на бойню, мясник забивает скот и *продает* шкуру кожевнику, последний выделяет кожу и *продает* ее сапожнику...

Смит смешивал оба эти вида разделения труда и не видел принципиального различия: в первом случае нет купли-продажи товара, во втором — есть. Все общество представлялось ему как бы гигантской мануфактурой, а разделение труда — всеобщей формой экономического сотрудничества людей в интересах «богатства народов». Это связано с общим его взглядом на буржуазное общество, которое он считал единственно возможным, естественным и вечным. В действительности разделение труда, которое видел Смит, было специфически капиталистическим, что и определяло его основные черты и следствия. Оно не просто способствовало прогрессу общества, но развивало и усиливало вместе с тем подчинение труда капиталу.

Двойственный в этом вопросе, как и во многих других, Смит, воспев в начале книги хвалу капиталистическому разделению труда, изображает в другом месте, как бы между прочим, его отрицательное влияние на рабочего: «С развитием разделения труда занятие подавляющего большинства тех, кто живет своим трудом, т. е. главной массы народа, сводится к очень небольшому числу простых операций, чаще всего к одной или двум... Его (рабочего.— А. А.) ловкость и умение в его специальной профессии представляются, таким образом, приобретенными за счет его умственных, социальных и военных качеств. Но в каждом развитом цивилизованном обществе в такое именно состояние должны неизбежно впадать трудящиеся бедняки, т. е. главная масса народа, если только правительство не прилагает усилий для предотвращения этого». Рабочий превращается в беспомощный придаток капитала, капиталистического производства, в то самое, что Маркс назвал частичным рабочим.

Обращает на себя внимание последняя фраза цитаты из Смита. Она звучит довольно неожиданно в устах безусловного сторонника *laissez faire*. Дело в том, что Смит чувствует здесь опасную тенденцию капитализма: если предоставить все естественному ходу дел, то возникает угроза вырождения значительной части населения. Он не видит иной силы, кроме государства, которая могла бы воспрепятствовать этому.

Изобразив разделение труда и процесс обмена товаров, Смит ставит вопрос о деньгах, без которых регулярный обмен невозможен. В небольшой четвертой главе он добросовестно рассказывает о природе денег и истории их выделения из всего мира товаров как особого товара — всеобщего эквивалента. К деньгам и кредиту Смит затем возвращается неоднократно, но в целом эти экономические категории играют у него скромную роль. В деньгах Смит видел лишь техническое орудие, облегчающее ход экономических процессов, и называл их «колесом обращения». Кредит он рассматривал лишь как средство активизации капитала и уделял ему довольно мало внимания. Достоинством взглядов Смита было то, что он выводил деньги и кредит из производства и видел их подчиненную роль по отношению к производству. Но эти взгляды были вместе с тем односторонними и ограниченными. Он недооценивал самостоятельность, которую приобретают денежно-кредитные факторы, и их большое обратное влияние на производство.

Первые четыре главы «Богатства народов», довольно легкие и немного развлекательные по своему содержанию, служат своего рода введением к центральной части учения Смита — теории стоимости. Смит переходит к ней, заботливо попросив у читателя «внимания и терпения» ввиду «чрезвычайно

абстрактного характера» вопроса.

Трудовая стоимость

Первые критики Смита пользовались чаще всего его же методами и идеями. Поэтому влияние Смита, в особенности сплавленное с влиянием Рикардо, было огромно вплоть до 60-х годов XIX в. Затем положение изменилось. С одной стороны, возник марксизм. С другой стороны, в 70-х годах появилась и скоро стала в буржуазной науке господствующей субъективная школа в политической экономии.

К Смиту стали относиться «строго», и первой жертвой стала, естественно, его теория стоимости. Это произошло, разумеется, не сразу. Еще Альфред Маршалл, крупнейший английский буржуазный ученый второй половины XIX в., сохранивший связи с рикардианством и пытавшийся как-то примирить его с новыми субъективными идеями, писал о Смите, что его «главный труд состоял в том, чтобы собрать воедино и развить соображения его французских и английских современников и предшественников о стоимости».

Позиция видного американского ученого Пола Дугласа, писавшего через 40 лет, уже иная. Он обвиняет Смита в том, что тот якобы отбросил у предшественников именно самое ценное и своей теорией стоимости толкнул английскую политическую экономию в тупик, из которого она не могла выйти целое столетие. Шумпетер в своей «Истории экономического анализа» закрепляет внешне почтительное, но, по существу, весьма скептическое отношение к Смиту. Он вообще сомневается, можно ли сказать, что Смит придерживается трудовой теории стоимости. Наконец, в заурядном американском учебнике истории экономической мысли (Дж. Ф. Белла) говорится: «Вклад Смита в теорию стоимости больше запутал дело, чем прояснил. Ошибки, неточности и противоречия — вот бич его рассуждений».

Из всего этого безусловно верно одно: теория стоимости Смита действительно страдает серьезными недостатками. Но, как показал Маркс, эти недостатки и противоречия были закономерны и по-своему плодотворны для экономической теории. Смит пытался сделать шаг от исходной, простейшей формулировки трудовой теории стоимости, в которой она может показаться лишь общим местом, к реальной системе товарно-денежного обмена и ценообразования при капитализме в условиях свободной конкуренции. В этом исследовании он натолкнулся на неразрешимые противоречия. Маркс считал, что конечной, глубинной причиной этого было отсутствие у Смита (и у Рикардо) исторического взгляда на капитализм, понимание ими отношений капитала и наемного труда как вечных и единственно возможных. Кроме них Смит знал лишь «первобытное состояние общества», представлявшееся ему почти мифом. Тем не менее он с большой научной глубиной подошел к проблеме стоимости.

Смит с большей четкостью, чем кто-либо до него, определил и разграничил понятия потребительной и меновой стоимости. Отвергнув догму физиократов и опираясь на V» свое учение о разделении труда, он признал равнозначность всех видов производительного труда с точки зрения создания стоимости. Тем самым он уловил, что в основе меновой стоимости лежит, по выражению Маркса, субстанция стоимости, т. е. труд как любая производственная деятельность человека. Это расчищало дорогу к открытию Марксом двойственного характера труда как абстрактного и конкретного труда. Смит имел понятие о том, что квалифицированный и сложный труд

создает в единицу времени больше стоимости, чем неквалифицированный и простой, и может быть сведен к последнему с помощью каких-то коэффициентов. Он также в известной мере понимал, что величина стоимости товара определяется не фактическими затратами труда отдельного производителя, а теми затратами, которые в среднем необходимы при данном состоянии общества. Поэтому Маркс писал, что «у А. Смита стоимость создается всеобщим общественным трудом,— в каких бы потребительных стоимостях он ни был представлен,— создается исключительно только количеством необходимого труда». Это было серьезным вкладом в развитие трудовой теории стоимости.

Плодотворной была концепция Смита о естественной и рыночной цене товаров. Под естественной ценой он, в сущности, понимал денежное выражение меновой стоимости и считал, что в длительной тенденции фактические рыночные цены стремятся к ней как к некоему центру колебаний. При уравнивании спроса и предложения в условиях свободной конкуренции рыночные цены совпадают с естественными. Он положил также начало анализу факторов, способных вызывать длительные отклонения цен от стоимости; важнейшим из них он считал монополию.

Глубокое чутье Смита проявилось в том, что он по меньшей мере поставил проблему, которая оставалась в центре теории стоимости и ценообразования на протяжении всего следующего столетия. В категориях Маркса речь идет о превращении стоимостей в цены производства. Смит знал, что прибыль должна быть в тенденции пропорциональна капиталу, и понимал природу средней нормы прибыли, которую и клал в основу своей естественной цены. Слабость его заключалась в том, что он не мог связать и совместить это явление с трудовой теорией стоимости.

Трудно с какой-либо степенью уверенности судить теперь о внутренних умственных Процессах, происходивших в мозгу Смита и приводивших его к выводам, которые он делал, и к противоречиям, которых, очевидно, не замечал. Действительно, как писал Маркс, мы находим у Смита «не только два, но целых три, а говоря совсем точно — даже четыре резко противоположных взгляда на стоимость, которые мирно располагаются у него рядом или переплетаются друг с другом». По-видимому, основная причина этого заключается в том, что Смит не мог найти удовлетворительных с точки зрения научной логики связей между трудовой теорией стоимости, как она сложилась в то время и как она была им зафиксирована, и сложностью конкретных процессов капиталистической экономики. Не находя этих связей, он стал варьировать и приспосабливать исходную концепцию.

Прежде всего, наряду со стоимостью, определяемой количеством заключенного в товаре необходимого труда (первый и основной взгляд), он ввел второе понятие, где стоимость определяется количеством труда, которое можно купить на данный товар. В условиях простого товарного хозяйства, когда нет наемного труда и производители товаров работают на принадлежащих им средствах производства, это по величине одно и то же. Ткач, скажем, обменивает кусок сукна на сапоги. Можно сказать, что кусок сукна стоит пары сапог, а можно — что он стоит труда сапожника за то время, пока он изготовлял эти сапоги. Но количественное совпадение не служит доказательством тождества, так как стоимость данного товара может быть количественно определена, только одним-единственным способом — в известном количестве другого товара.

Смит совсем потерял почву под ногами, когда попытался применить это свое второе толкование стоимости к капиталистическому производству. Если сапожник работает на капиталиста, то стоимость произведенных им сапог и «стоимость его труда», то, что он получает за свой труд,— совершенно разные вещи. Выходит, что наниматель, купив труд рабочего (как показал Маркс, в действительности покупается рабочая сила, способность к труду), получает большую стоимость, чем платит за этот труд.

Смит не смог объяснить это явление с позиций трудовой теории стоимости и сделал неверный вывод, что стоимость определялась трудом только в «первобытном состоянии общества», когда не было капиталистов и наемных рабочих, т. е., в терминах Маркса, при простом товарном производстве. Для условий капитализма Смит сконструировал третий вариант теории стоимости: он решил, что стоимость товара просто складывается из издержек, включая заработную плату рабочих и прибыль капиталиста (в определенных отраслях — также земельную ренту). Его ободряло и то, что эта теория стоимости, казалось, объясняла явление средней прибыли на капитал, «естественную норму прибыли», как он выражался. Смит просто отождествил стоимость с ценой производства, не видя между ними сложных посредствующих звеньев.

Это была «теория издержек производства», которой суждено было играть важную роль в течение следующего столетия. Смит встал здесь на практическую точку зрения капиталиста, которому действительно представляется, что цена его товара в основном определяется издержками и средней прибылью, а в каждый данный момент также спросом и предложением. Такая концепция стоимости открывала простор для того, чтобы изображать труд, капитал и земельную собственность как равноправных создателей стоимости. Этот вывод из Смита скоро и сделали Сэй и другие экономисты, стремившиеся использовать политическую экономию для защиты интересов капиталистов и землевладельцев.

Классы и доходы

Мы уже знаем, что теория стоимости должна дать ответ на два взаимосвязанных вопроса: о конечном основании цен и о конечном источнике доходов. Смит дал отчасти правильный ответ на первый вопрос, но, не сумев примирить его с реальностью, перешел на вульгарную позицию. Развивая трудовую теорию стоимости, он сделал вклад и в научное решение второго вопроса, но опять-таки оказался непоследователен.

Что понимал Смит под «первобытным состоянием общества»? Хотя оно казалось ему почти мифом, это был миф с большим смыслом. Имел ли он в виду общество без частной собственности? Едва ли. Такого «золотого века» Смит не видел ни в прошлом, ни в будущем человечества. Скорее он представлял себе общество с частной собственностью, но без классов. Возможно ли это и было ли это в истории,— совсем другой вопрос.

Представим себе общество, где имеется миллион фермеров, из которых каждый имеет ровно столько земли и орудий труда и производит столько продукции для собственного потребления и для обмена, чтобы могла существовать его семья. Кроме того, в этом обществе имеется миллион независимых ремесленников, каждый из которых работает со своими орудиями труда и сырьем. Наемного труда в этом обществе нет.

С точки зрения Кенэ, в этом обществе два класса, с точки зрения Смита — один. И подход Смита правильнее, так как классы отличаются не по

отрасли хозяйства, в которой заняты составляющие их люди, а по отношению этих людей к средствам производства. В этих условиях, говорит Смит, обмен товаров производится по трудовой стоимости и весь продукт труда (или его стоимость) принадлежит работнику: делиться ему, на его счастье, еще не с кем. Но такие времена давно прошли. Земля стала частной собственностью землевладельцев, а мастерские и фабрики в результате накопления капитала оказались в руках хозяев-капиталистов. Таково современное общество. Оно состоит из трех классов: наемных рабочих, капиталистов и землевладельцев. Смит достаточно реалистичен, чтобы видеть также разные промежуточные слои и группы. Но в принципиальном экономическом анализе от этого можно отвлечься и исходить из трехклассовой модели.

Итак, рабочий ныне, как правило, работает на чужой земле и с помощью чужого капитала. И потому весь продукт его труда уже не принадлежит ему. Рента землевладельца — первый вычет из этого продукта или из его стоимости. Второй вычет составляет прибыль хозяина-капиталиста, который нанимает рабочих и предоставляет им орудия и материалы для работы.

В этом рассуждении Смит близко подходил к понятию прибавочной стоимости как выражения эксплуатации труда капиталистами и землевладельцами. Однако, как и все экономисты до Маркса, он не выделял прибавочную стоимость в качестве особой категории и рассматривал ее лишь в тех конкретных формах, которые она принимает на поверхности буржуазного общества: прибыли, ренты, ссудного процента. Эта струя в мышлении Смита, связанная с трудовой теорией стоимости, представляет собой прогрессивный элемент его учения.

Другая струя вытекала из трактовки стоимости как суммы доходов: заработной платы, прибыли и ренты. В самом деле, прибыль и рента не могут быть *вычетами* из полной стоимости товара, если они сами эту стоимость *образуют*. Здесь получается совсем иная картина распределения доходов: каждый фактор производства (этот термин возник позже), т. е. труд, капитал и земля, участвует в создании стоимости товара и, естественно, претендует на свою долю. Отсюда недалеко до «божественного права капитала», провозглашенного в XIX в. экономистами-апологетами.

Сложив стоимость из доходов, Смит решил исследовать, как определяется *естественная* норма каждого дохода, т. е. по каким законам стоимость отдельного товара, а также всего совокупного продукта распределяется между классами общества.

Когда Смит рассматривает каждый из трех основных доходов, он в известной мере вновь возвращается к своей теории прибавочной стоимости. Его взгляд на заработную плату сохраняет интерес и в настоящее время. Конечно, теория *заработной платы* у Смита во многом неудовлетворительна, поскольку он не понимал подлинного характера отношений, связанных с продажей работником своей рабочей силы капиталисту. Он полагал, что товаром является сам труд, что он, следовательно, имеет естественную цену. Но эту естественную цену он в принципе определял так же, как Маркс определял стоимость рабочей силы,— стоимостью необходимых средств существования рабочего и его семьи. К этому Смит делал ряд реалистических и важных дополнений.

Во-первых, он уже понимал, что стоимость рабочей силы («естественная заработная плата» в его терминологии) определяется не только физическим минимумом средств существования, но зависит от условий места и времени,

включает исторический и культурный элемент. Смит приводил пример с кожаной обувью, которая в Англии уже стала предметом необходимости и для мужчин и для женщин, в Шотландии — только для мужчин, а во Франции не была таковым ни для того, ни для другого пола. Напрашивается вывод, что с развитием хозяйства круг потребностей расширяется и стоимость рабочей силы в реальном товарном выражении скорее всего должна повышаться.

Во-вторых, Смит ясно видел, что одна из главных причин низкой заработной платы, ее близости к физическому минимуму — слабые позиции рабочих по отношению к капиталистам. Об этом он писал очень остро. Вывод, который нетрудно сделать, состоит в том, что организованность и сплоченность рабочих, их сопротивление могут ограничить жадность предпринимателей.

Наконец, в-третьих, он связывал тенденцию заработной платы с состоянием хозяйства страны, различая три случая: экономический прогресс, экономический регресс, неизменное состояние. Он считал, что в первом случае заработная плата должна повышаться, поскольку в растущей экономике имеет место большой спрос на труд. Последующее развитие капиталистического хозяйства показало, что условия экономического подъема действительно облегчают борьбу рабочих за повышение заработной платы.

Смитом завершается выделение в политической экономии *прибыли* как особой экономической категории. Смит категорически отвергает утверждение, что прибыль — это только заработная плата за особый вид труда «по надзору и управлению». Размер прибыли, показывает он, определяется только размерами капитала и никак не связан с предполагаемой тяжестью этого труда. Здесь и в нескольких других местах Смит фактически толкует прибыль как эксплуататорский доход, как основную форму прибавочной стоимости.

С этим взглядом опять-таки мирно соседствует поверхностный буржуазный взгляд на прибыль как на естественное вознаграждение капиталиста за риск, за авансирование рабочему средств существования, за так называемое «воздержание». К таким противоречиям у Смита читатель должен уже привыкнуть.

Капитал

Экономисты домарковского периода, в том числе и классики буржуазной политической экономии, рассматривали капитал просто как накопленный запас орудий, сырья, средств существования и денег. Получалось, что капитал существовал всегда и будет существовать вечно, ибо без такого запаса невозможно любое производство. Этому Маркс противопоставил понимание капитала как исторической категории, возникающей только в тех условиях, когда рабочая сила становится товаром, когда главными фигурами в обществе становятся капиталист, владеющий средствами производства, и наемный рабочий, не имеющий ничего, кроме способности к труду. Капитал выражает собой это общественное отношение. Он не всегда существовал и отнюдь не вечен. Если капитал и можно рассматривать как массу товаров и денег, то лишь в том смысле, что в них воплощается присвоенный капиталистом неоплаченный (прибавочный) труд наемных рабочих и что они используются для

присвоения новых порций такого труда.

В тех строках, о которых Маркс сказал, что Смит здесь уловил истинное происхождение прибавочной стоимости, последний пишет: «Лишь только в руках частных лиц начинают накапливаться капиталы, некоторые из них, естественно, стремятся использовать их для того, чтобы занять работой трудолюбивых людей, которых они снабжают материалами и средствами существования в расчете получить выгоду на продаже продуктов их труда или на том, что эти работники прибавили к стоимости обрабатываемых материалов». Смит отмечает здесь исторический процесс возникновения капитала и эксплуататорскую сущность общественных отношений, которые он порождает. Но, переходя во второй книге к специальному анализу капитала, Смит почти полностью оставляет эту глубокую точку зрения. «Технический» анализ капитала у Смита близок к Тюрго. Но Смит более систематически и подробно, чем Тюрго или кто-либо другой, рассматривает такие вопросы, как основной и оборотный капитал, различные сферы приложения капитала, ссудный капитал и ссудный процент.

Что отличает Смита и придает всему изложению определенную тональность, это упор на *накопление капитала* как решающий фактор экономического прогресса. Адам Смит с большой последовательностью и упорством стремится доказать, что накопление — ключ к богатству нации, что каждый, кто сберегает, — благодетель нации, а каждый расточитель — ее враг. Это указывает на глубокое понимание Смитом коренной экономической проблемы промышленного переворота. По подсчетам современных английских ученых, норма накопления (накопленная доля национального дохода) в Англии второй половины XVIII в. в среднем не превышала 5%. Вероятно, она начала повышаться лишь примерно с 1790 г., когда промышленная революция вступила в самый бурный период. Конечно, 5 % — это очень мало. В наше время развивающаяся страна (а этот недавно появившийся термин, очевидно, подходит к Англии времен Смита) считает положение более или менее благополучным, если норма накопления составляет не менее 12—15%; 10% — сигнал тревоги, а 5% — сигнал бедствия. Любой ценой поднять норму накопления! Так на нынешнем языке звучит лозунг Смита.

Кто может и должен накапливать? Конечно, капиталисты — состоятельные фермеры, промышленники, купцы. В этом Смит видел, в сущности, их важнейшую социальную функцию. Он еще в Глазговских лекциях с удовольствием отмечал «аскетизм» тамошних рыцарей капитала: во всем городе трудно было найти богача, который бы держал более одного человека мужской прислуги. Нанимая производительных работников, человек богатеет, нанимая слуг — беднеет, писал Смит. Это же применимо ко всей нации: надо стремиться свести к минимуму часть населения, не занимающуюся производительным трудом. Смитова концепция производительного труда была остро направлена против феодальных элементов в обществе и всего связанного с ними: государственной бюрократии, военщины, церкви. Как заметил Маркс, критическое отношение ко всей этой публике, обременяющей производство и мешающей накоплению, выражает точку зрения как буржуазии той эпохи, так и рабочего класса.

Смит писал: «...государь со всеми своими судебными чиновниками и офицерами, вся армия и флот представляют собою непроизводительных

работников. Они являются слугами общества и содержатся на часть годового продукта труда остального населения... К одному и тому же классу должны быть отнесены как некоторые из самых серьезных и важных, так и некоторые из самых легкомысленных профессий — священники, юристы, врачи, писатели всякого рода, актеры, паяцы, музыканты, оперные певцы, танцовщики и пр.».

Итак, король и паяцы — в одной компании! Офицеры и священники — в сущности паразиты! «Писателей всякого рода», к которым относится и сам автор, научная добросовестность заставляет его тоже признать с экономической точки зрения непроизводительными работниками. В этих фразах несомненно есть ирония, довольно смелая и злая, но она глубоко запрятана под профессорской серьезностью и объективностью. Таков Адам Смит.

Смитианство

Наибольшее влияние учение Смита имело в Англии и во Франции — странах, где промышленное развитие в конце XVIII и начале XIX в. шло наиболее интенсивно и где буржуазия в значительной мере овладела государственной властью.

В Англии, однако, среди последователей Смита не было, вплоть до Рикардо, сколько-нибудь крупных и самостоятельных мыслителей. Первыми критиками Смита выступили люди, выражавшие экономические интересы землевладельцев. В Англии виднейшими из них были Мальтус и граф Лодердейл.

Во Франции учение Смита сначала натолкнулось на прохладный прием со стороны поздних физиократов. Затем революция отвлекла внимание от экономической теории. Перелом произошел в первые годы XIX в. В 1802 г. был издан первый полноценный перевод «Богатства народов», сделанный Жерменом Гарнье и снабженный его комментариями. В 1803 г. вышли книги Сэя и Сисмонди, в которых оба экономиста выступают в основном последователями Смита. Сэй интерпретировал шотландца в духе, который больше устраивал буржуазию, чем «чистый» Смит. Однако в том мере, в какой Сэй энергично выступал за капиталистическое промышленное развитие, многие его идеи были близки к взглядам Смита.

Если смитианство было прогрессивно в Англии и во Франции, то в еще большей мере это было ощутимо в странах, где господствовала феодальная реакция и буржуазное развитие только начиналось, — в Германии, Австрии, Италии, Испании и, конечно, в России. Есть сведения, что в Испании книга Смита была первоначально запрещена инквизицией. В Германии реакционные профессора, которые читали свои лекции в духе особой германской разновидности меркантилизма — камералистики, долгое время не хотели признавать Смита. И тем не менее именно в Пруссии — крупнейшем германском государстве — идеи Смита оказали определенное влияние на ход дел: люди, которые в период наполеоновских войн проводили там либерально-буржуазные реформы, были его последователями.

Говоря о смитианстве и влиянии Смита, надо иметь в виду, что непоследовательность Смита, наличие в его книге разнородных и прямо противоположных концепций позволяли людям совершенно различных взглядов и принципов черпать у него и считать его своим учителем и предшественником. Английские социалисты 20—40-х годов XIX в., стремившиеся повернуть учение Рикардо против буржуазии, считали себя вместе с тем и

действительно являлись духовными наследниками Адама Смита. Эти люди опирались в основном на положения Смита о полном продукте труда и вычетах из него в пользу капиталиста и землевладельца. С другой стороны, последователями Смита считала себя «школа Сэя» во Франции, в которой воплотилось вульгарно-апологетическое направление буржуазной политэкономии. Она опиралась на другой поток в мышлении Смита: сотрудничество факторов производства в создании продукта и его стоимости. Они брали также у Смита его фритредерство, но придавали ему грубо торгашеский характер.

Исторически важнейшая линия теоретических влияний от Смита идет к Рикардо и Марксу.

Смитианство имело различные аспекты с точки зрения теории и с точки зрения конкретной экономической и социальной политики. Были смитианцы, которые брали у Смита, в сущности, только одно: свободу внешней торговли, борьбу против протекционизма. В зависимости от конкретной ситуации эти выступления объективно могли иметь и прогрессивный и достаточно реакционный характер. Например, в Пруссии за свободу торговли выступали консервативные юнкерские круги: они были заинтересованы во ввозе дешевых иностранных промышленных товаров и в беспрепятственном вывозе своего зерна.

Но мы уже хорошо знаем, что у Смита его фритредерство было лишь частью большой антифеодальной программы экономической и политической свободы. Огромная роль Смита в истории цивилизации определяется тем, что его идеи (очень часто в трудноразделимом сплаве с идеями других передовых мыслителей XVIII столетия) ощутимы во многих прогрессивных и освободительных движениях первой половины XIX в.

Пожалуй, это наиболее очевидно в России. Вопрос о смитианстве в России основательно исследован советскими учеными (И. Г. Блюмин, Ф. М. Морозов и др.). Здесь можно добавить лишь несколько штрихов.

Всю первую половину 1826 г. шло следствие по делу декабристов. В ходе следствия каждому мятежнику давали особого рода анкету, в которой был, в частности, вопрос об источниках его «вольнодумных и либеральных мыслей». Среди авторов, которых называли декабристы, рядом с Монтескье и Вольтером несколько раз фигурирует имя Смита. Еще чаще упоминаются просто сочинения по политической экономии, но надо помнить, что в то время это практически означало систему Смита.

Декабристы, дворянские революционеры, имели, по существу, буржуазно-демократическую программу. Для этой программы они воспользовались самыми прогрессивными идеями западных мыслителей. У Смита их привлекала вся его система естественной свободы, а конкретнее — категорическое осуждение рабства (крепостного права), выступление против всех других форм феодального гнета и за промышленное развитие, требование всеобщности налогообложения и т. д. Само по себе фритредерство Смита их меньше интересовало. Среди декабристов и в той или иной мере близких к ним мыслящих людей были как сторонники свободы торговли, так и сторонники протекционистских тарифов для защиты нарождавшейся русской промышленности. Еще меньше занимались они (да и русские экономисты того времени вообще) чисто теоретическими сторонами учения Смита: вопросами стоимости, доходов, капитала.

Влияние Смита на декабристов было итогом продолжавшегося уже

несколько десятилетий распространения его идей среди русского образованного общества. На волне либеральных веяний, распространившихся после восшествия на престол Александра I, в 1802—1806 гг. вышел первый русский перевод «Богатства народов». Перевод книги Смита был исключительно трудным делом, ведь на русском языке еще только складывалась научная экономическая терминология, система основных понятий. Тем не менее он сыграл важную роль не только в распространении идей Смита в России, но и в развитии русской экономической мысли вообще. Период 1818—1825 гг. был временем наибольшего влияния Смита в России. После декабрьского восстания Смит почти целиком попал в руки консервативных профессоров, которые вытравляли из его учения все смелое и острое.

Замечательно, что это не укрылось от наблюдательности Пушкина, который уже отразил в «Евгении Онегине» увлечение Смитом. В одном из прозаических отрывков 1829 г. (роман в письмах) читаем: «Твои умозрительные и важные рассуждения принадлежат к 1818 году. В то время строгость нравов и политическая экономия были в моде. Мы являлись на балы, не снимая шпаг — нам было неприлично танцевать и некогда заниматься дамами. Честь имею донести тебе, что это все переменялось. Французская кадриль заменила Адама Смита».

Пушкин был хорошо знаком и даже дружен по меньшей мере с тремя декабристами, которые оставили важный след в развитии русской экономической мысли: Николаем Тургеневым, Павлом Пестелем и Михаилом Орловым. Особенно большую роль в формировании общественных взглядов молодого Пушкина сыграл Тургенев, который считал себя учеником Смита. В книге Тургенева «Опыт теории налогов» (1818 г.) множество ссылок на Смита. Уже после Октябрьской революции была опубликована замечательная рукопись Пестеля «Практические начала политической экономии». Написана она, по всей вероятности, в 1819—1820 гг. Даже от книги Тургенева эта работа выгодно отличается теоретической постановкой ряда вопросов, широтой взгляда, которым молодой автор окидывал всю европейскую науку. Хотя Пестель сравнительно редко ссылается на Смита, последний является главным источником его взглядов. И Тургенев и Пестель, опираясь на Смита, развивали многие новые идеи, особенно в применении к конкретным условиям России. Они и Смит принимали отнюдь не целиком. В политической области республиканизм Пестеля выходил далеко за пределы смитова либерализма.

Личность Смита

О жизни Смита осталось сказать немного. Через два года после выхода в свет «Богатства народов» он получил, хлопотами герцога Баклю и других влиятельных знакомых и почитателей, весьма выгодную должность одного из таможенных комиссаров Шотландии в Эдинбурге с годовым окладом в 600 фунтов стерлингов. Это было много по тем временам: Роберт Бернс, служивший в том же ведомстве по акцизной части, получал сначала 50, а позже 70 фунтов. В таможенном управлении, следя за сбором пошлин, ведя переписку с Лондоном и посылая время от времени солдат на поимку контрабандистов, Смит просидел до конца своих дней. Он поселился в Эдинбурге, сняв квартиру в старой части города. Продолжая вести прежний скромный образ жизни, Смит довольно много денег тратил на благотворительность. Единственной ценностью, оставшейся после него, была

значительная библиотека.

Государственные должности, вроде полученной Смитом, в XVIII в. давались только по протекции и рассматривались как отличная синекура. Но Смит, при его добросовестности и известном педантизме, относился к своим обязанностям серьезно и проводил на службе довольно много времени. Уже это одно (плюс возраст и болезни) исключало продолжение глубокой научной работы. Казалось, что Смит к ней особенно и не стремился. Правда, в первое время он носился с планом написать свою третью большую книгу — нечто вроде всеобщей истории культуры и науки. После его смерти остались и были вскоре опубликованы интересные наброски, посвященные истории астрономии и философии и даже изящным искусствам. Но он скоро отказался от этого замысла. Довольно много времени у него отнимали новые издания его сочинений. При жизни Смита в Англии вышло шесть изданий «Теории нравственных чувств» и пять — «Богатства народов». К третьему изданию «Богатства народов» (1784 г.) Смит сделал значительные добавления, в частности написал главу «Заключение о меркантилистической системе». В какой-то мере он следил и за иностранными изданиями своих книг.

Шотландская столица была вторым, после Лондона, культурным центром страны, а в некоторых отношениях не уступала ему. С другой стороны, это был сравнительно небольшой уютный город. Верный своим многолетним привычкам, Смит и здесь имел свой клуб, где регулярно встречался с узким кружком друзей и знакомых. Кроме того, каждое воскресенье друзья ужинали у него. Ближайшими из них были крупные ученые: химик Блэк, геолог Хаттон, философ и экономист Дагалд Стюарт. Смит стал уже европейской знаменитостью, своего рода достопримечательностью Эдинбурга. Путешественники из Лондона и Парижа, Берлина и Петербурга стремились познакомиться с шотландским мудрецом. Одно из знакомств Смита в этот период интересно с точки зрения истории русской культуры. В Эдинбурге жила, наблюдая за обучением в университете своего сына, княгиня Воронцова-Дашкова, образованнейшая женщина своего времени, будущий президент Академии наук. В своих мемуарах она пишет, что Смит, среди других эдинбургских ученых, бывал у нее.

Во внешности Смита не было ничего выдающегося. Он был немного выше среднего роста, с прямой фигурой. Простое лицо с правильными чертами, серо-голубые глаза, крупный прямой нос. Одевался так, что это никогда не привлекало внимания. Носил до конца жизни парик. Любил ходить с бамбуковой тростью на плече. Имел привычку говорить сам с собой, так что однажды уличная торговка приняла его за помешанного и сказала соседке: «Бог мой, вот бедняга! А ведь прилично одет!»

Смит умер в Эдинбурге в июле 1790 г. на 68-м году жизни. Около четырех лет до этого он тяжело болел.

Смит обладал значительным интеллектуальным, а порой и гражданским мужеством, но ни в коей мере не был борцом. Он был гуманен и не любил несправедливости, жестокости и насилия, но довольно легко мирился со всем этим. Он верил в успехи разума и культуры, но очень опасался за их судьбу в этом грубом и косном мире. Он ненавидел и презирал чиновников-бюрократов, но сам стал одним из них.

Смит с большим сочувствием относился к трудящимся беднякам, к рабочему классу. Он выступал за возможно высокую оплату наемного труда,

потому что, по его словам, общество не может «процветать и быть счастливым, если значительнейшая его часть бедна и несчастна». Несправедливо, чтобы в нищете жили люди, которые своим трудом содержат все общество. Но вместе с тем Смит полагал, что «естественные законы» обрекают рабочих на низшее положение в обществе, и думал, что, «хотя интересы рабочего тесно связаны с интересами общества, он неспособен ни уразуметь эти интересы, ни понять их связь со своими собственными».

Смит считал буржуазию восходящим, прогрессивным классом и объективно выражал ее интересы, притом интересы не узкие и временные, а широкие и длительные. Но, сам будучи интеллигентом-разночинцем, он не испытывал к капиталистам, как к таковым, ни малейшей симпатии. Он считал, что жажда прибыли ослепляет и ожесточает этих людей. Ради своей прибыли они готовы на любые действия против интересов общества. Они всеми силами стремятся повысить цены своих товаров и понизить заработную плату своих рабочих. Промышленники и купцы неизменно стремятся подавить и ограничить свободную конкуренцию, создать вредную для общества монополию.

В общем, капиталист для Смита — это, так сказать, естественное и безличное орудие прогресса, роста «богатства нации». Смит выступает за буржуазию лишь постольку, поскольку ее интересы совпадают с интересами роста производительных сил общества. Эта точка зрения перешла от Смита к Рикардо и стала важнейшей составной частью всей буржуазной классической политической экономии.

Глава 11

ГЕНИЙ ИЗ СИТИ: ДАВИД РИКАРДО

В 1799 г. молодой состоятельный делец с лондонской биржи жил на курорте Бат, где лечилась его жена. Зайдя в публичную библиотеку, он случайно перелистал «Богатство народов» Адама Смита, заинтересовался и попросил прислать книгу ему на квартиру. Так впервые пробудился интерес Рикардо к политической экономии.

Хотя эта история рассказывается со слов самого Рикардо, она так же анекдотична, как рассказы о яблоке Ньютона и чайнике Уатта. Будучи образованным человеком, он не мог, конечно, не знать о книге Смита. Рикардо имел уже обширные практические познания в экономике, а также известный навык к абстрактному мышлению, ибо интересовался науками. Тем не менее батская библиотека могла, конечно, послужить толчком. Подлинное призвание человека нередко обнаруживается случайно.

Рикардо продолжал делать деньги, а для души занимался минералогией. Но главным его делом, его трудом, отдыхом и отрадой стали занятия политической экономией. Среди достоинств, которыми обладал Рикардо, пожалуй, больше всего поражает эта самозабвенная увлеченность наукой, постоянная и бескорыстная погоня за истиной. Рикардо был скромный человек и всю жизнь считал себя в науке немного дилетантом. Но этот дилетант завершил создание английской классической политической экономии. Развитие экономической теории в последующую эпоху связано с его именем.

Промышленная революция

В конце XVIII — начале XIX в. Англия воевала почти непрерывно четверть века. Сначала с якобинцами, потом с генералом Бонапартом, наконец, с императором Наполеоном. Война кончилась летом 1815 г. победой при Ватерлоо. Теперь Англия могла пользоваться плодами победы. Рухнула континентальная блокада, которой Наполеон надеялся удушить английскую торговлю. Европейские рынки открылись для английских товаров — самых лучших, самых разнообразных, самых дешевых в тогдашнем мире.

Война шла вдалеке от берегов Англии, на континенте Европы, в колониях, на морях и океанах. Она не мешала — а отчасти и помогала — Англии богатеть. Статистика не могла в то время подтвердить это, но экономисты не сомневались. Рикардо в 1817 г. приводил в доказательство экономического прогресса страны такие наглядные факты, как рост населения, развитие сельского хозяйства, строительство доков, сооружение многочисленных каналов и обилие «других дорогостоящих предприятий». Мальтус в 1820 г. говорил о «быстром и удивительном увеличении стоимости национального богатства за последние 30 или 40 лет».

Последняя треть XVIII в. и первая треть XIX в.— это эпоха промышленной революции в Англии. Капитализм из мануфактурной стадии вступил в стадию машинной индустрии. Место кустарных мастерских стали занимать фабрики, на которых работали сотни людей. Как грибы вырастали мрачные, закопченные фабричные города: Манчестер, Бирмингем, Глазго... В центре промышленного переворота находилась хлопчатобумажная промышленность. Вместе с тем развивались отрасли, производившие для нее машины и топливо. Начался век угля и железа. Пар становился главным источником двигательной силы. В поездку на континент в 1822 г. Рикардо отправился уже на пароходе, а через два года после его смерти пошел по рельсам паровоз Стефенсона.

Менялась сельская Англия. Мелкие независимые крестьянские хозяйства на своей или арендованной земле исчезали, окончательно уступая место крупному землевладению и хозяйству капиталистических фермеров-арендаторов. Формировался сельскохозяйственный пролетариат, который вместе с тем пополнял ряды шахтеров, землекопов, каменщиков, фабричных рабочих.

Англия богатела, но вместе с богатством росло неравенство в распределении богатства. Классовые различия становились резче и определеннее. Для рабочих это был чудовищно жестокий мир — тот мир, который потряс молодого Энгельса, когда он в 1842 г. впервые попал в Англию. Рабочий день продолжался 12—13 часов, а иногда и больше. Заработная плата обеспечивала пропитание буквально не выше голодного минимума. Безработица или болезнь обрекали рабочего и его семью на голод. Машины позволяли фабрикантам широко использовать еще более дешевый женский и детский труд, особенно в текстильной промышленности.

Любые объединения и союзы рабочих были запрещены законом и рассматривались как мятежные. Первые выступления рабочих против ужасных условий жизни были стихийными вспышками отчаяния и ярости. Луддиты разрушали машины, наивно считая их виновниками своих бедствий. В 1811—1812 гг. их движение приняло довольно большие размеры. Байрон поднял в палате лордов свой одинокий голос в защиту отчаявшихся бедняков. Рикардо не мог, конечно, одобрять действия луддитов, но он выступал за

легализацию рабочих союзов и впервые дал в своих сочинениях трезвый анализ социальных последствий применения машин. В 1819 г. войска расстреляли в Манчестере в районе Питерсфилд большую демонстрацию рабочих. Современники издевательски называли эту бойню «победой при Питерлоо» (намек на Ватерлоо).

И все же классовый антагонизм буржуазии и пролетариата в начале XIX в. еще не был главным конфликтом в обществе, таким конфликтом, который определял бы все общественные отношения и всю идеологию. Буржуазия была еще восходящим классом, ее интересы в общем соответствовали интересам развития производительных сил. Рабочий класс был еще слаб и не организован. Он являлся скорее объектом, а не субъектом в общественных отношениях и в политике.

Интересам буржуазии угрожали скорее посягательства землевладельцев. Повышение цен на хлеб принесло им рост земельной ренты, и они после войны добились от торийского парламента принятия *хлебных законов*, которые резко ограничивали ввоз иностранного зерна в Англию и способствовали сохранению высоких цен на хлеб. Это было невыгодно фабрикантам, так как им приходилось платить более высокую денежную заработную плату своим рабочим, чтобы они не умерли с голоду. Борьба вокруг хлебных законов была важнейшей частью политической жизни Англии в течение всей первой половины XIX в. и в немалой степени определяла теоретические позиции экономистов, в частности Рикардо. В этой борьбе интересам землевладельцев в известной мере противостояли тогда совместные интересы промышленной буржуазии и рабочего класса.

Такова была историческая обстановка, в которой сложилось учение Рикардо и своей высшей точки достигла английская классическая школа. Эта обстановка отчасти объясняет, почему Рикардо мог с большой научной объективностью и беспристрастием анализировать коренные социально-экономические проблемы, в особенности отношения между капиталом и трудом. Разумеется, огромное значение имела при этом и личность Рикардо как ученого.

Самый богатый экономист

Есть такая английская шутка. Кто такой экономист? Человек, который не имеет ни гроша в кармане и дает другим такие советы, что если они будут следовать им, то окажутся тоже без гроша. Однако нет правил без исключений. Рикардо составил себе миллионное состояние и порой давал друзьям, в частности Мальтусу, такие советы насчет помещения денег, что те не имели оснований жаловаться.

Давид Рикардо происходил из той же социально-этнической среды, из которой вышел столетием раньше Спиноза. Его предки, испанские евреи, бежали от преследований инквизиции в Голландию и осели там. Отец экономиста в 60-х годах XVIII в. перебрался в Англию, где сначала занимался оптовой торговлей товарами, а потом перешел к торговле векселями и ценными бумагами. Авраам Рикардо был богат, влиятелен и благочестив. Давид был третьим из его семнадцати детей. Он родился в Лондоне в апреле 1772 г., обучался в обычной начальной школе, а затем был отправлен на два года в Амстердам, где начал постигать в конторе своего дяди тайны коммерции.

По возвращении Рикардо еще некоторое время учился, но в 14 лет его систематическое образование окончилось. Правда, отец разрешил ему брать

уроки у домашних учителей. Однако скоро выяснилось, что интересы юноши выходят за пределы того, что отец считал необходимым для дельца. Это ему не понравилось, и уроки прекратились. В 16 лет Давид уже был ближайшим помощником отца в конторе и на бирже. Наблюдательный, сообразительный, энергичный, он быстро сделался заметным человеком на бирже и в деловых конторах Сити. Авраам Рикардо стал поручать ему самостоятельные дела и неизменно оставался доволен.

Однако такой человек не мог не тяготиться деспотизмом и консерватизмом отца. Он был равнодушен к религии, а дома его заставляли строжайшим образом следовать всем догмам иудаизма и выполнять его обряды. Конфликт вышел наружу, когда в 21 год Рикардо заявил отцу, что он намерен жениться на христианке. Невеста была дочерью врача-квакера, такого же домашнего тирана, как старый Рикардо. Брак был заключен против воли обоих семейств. Женитьба на христианке означала для Рикардо изгнание из иудейской общины. По древнему обычаю, о нем надо было молиться как о мертвом. Рикардо не перешел и в квакерскую общину, а остановился на унитаризме — самой свободной и гибкой из сект, отколовшихся от государственной англиканской церкви. По всей видимости, это было просто благопристойным прикрытием его атеизма.

Счастливый конец этой романтической истории мог бы быть омрачен бедностью, так как молодые, естественно, ничего не получили от родителей. А в 25 лет Рикардо уже был отцом троих детей (всего их было восемь). Он не знал никакого другого дела, кроме биржевой спекуляции, и теперь занимался ею не как подручный отца, а самостоятельно. Ему повезло, помогли также связи, репутация и способности. Через пять лет он уже был очень богат и вел крупные операции.

В наше время на фондовых биржах Англии, США и других стран продаются главным образом акции крупных частных компаний. В конце XVIII в. акционерных обществ было еще очень мало. Сделки с акциями Английского банка, Ост-Индской компании и нескольких других обществ составляли ничтожную долю биржевых операций, и Рикардо ими почти не занимался. Золотым дном для него, как для многих ловких дельцов, оказался государственный долг и сделки с облигациями государственных займов. За первые 10 лет войны — с 1793 по 1802 г. — английский консолидированный государственный долг возрос с 238 млн. до 567 млн. фунтов стерлингов, а к 1816 г. превысил 1 млрд. Кроме того, в Лондоне размещались иностранные займы. Курсы облигаций менялись под влиянием разных экономических и политических факторов. Игра на курсах стала первым источником обогащения молодого дельца.

Как рассказывают современники, Рикардо отличался феноменальной проницательностью и чутьем, быстротой реакции и вместе с тем большой осторожностью. Он никогда не зарывался, не терял хладнокровия и трезвости оценок. Умел продавать вовремя, порой удовлетворяясь скромным выигрышем на каждой облигации, наращивая прибыль за счет больших оборотов.

В эти годы начались операции, из которых впоследствии выросло инвестиционное банковское дело, а с ним состояния и власть таких финансовых магнатов, как Ротшильды и Морган. Богатые финансисты, объединявшиеся в небольшие группы, брали у правительства подряд на размещение вновь выпускаемых займов. Проще говоря, они оптом покупали у него все

облигации нового займа, а затем распродавали их в розницу. Прибыли от этих операций были огромны, хотя порой они были сопряжены с большим риском: курс облигаций мог внезапно упасть. Заем доставался той группе финансистов, которая называла на торгах, устраиваемых казначейством, самую выгодную для правительства цепу. В 1806 г. Рикардо в компании с двумя другими дельцами неудачно выступил на торгах, и заем достался другой группе. В следующем году Рикардо и его группа добились права размещения 20-миллионного займа. После этого он в течение 10 лет неизменно участвует в торгах и несколько раз проводит размещение займов.

К 1809—1810 гг. Давид Рикардо — одна из крупнейших фигур лондонского финансового мира. Покупается роскошный дом в самом аристократическом квартале Лондона, а затем большое поместье Гэткомб-парк в Глостершире, где Рикардо устраивает свою загородную резиденцию. После этого Рикардо постепенно отходит от активной деятельности в мире бизнеса и превращается в крупного землевладельца и рантье. Его состояние достигает 1 млн. фунтов, что по тем временам представляло огромную величину. Он, возможно, один из сотни самых богатых людей в Англии.

Это биография талантливого финансиста, ловкого дельца, рыцаря наживы. При чем тут наука?

Но этот биржевой волк и почтенный отец семейства был человеком с детски любознательным умом и ненасытной жаждой знаний. В 26 лет Рикардо, добившись финансовой независимости и даже некоторого богатства, вдруг обращается к наукам, которыми обстоятельства не позволили ему заняться в юности: естествознанию и математике. Какой контраст! В первой половине дня на бирже и в конторе — не по годам выдержанный и хладнокровный делец. Вечером у себя дома — симпатичный, увлекающийся молодой человек, который с наивной гордостью показывает родным и знакомым опыты с электричеством и демонстрирует свою коллекцию минералов.

Яркий интеллект Рикардо развивался под влиянием этих занятий. Они способствовали выработке тех качеств, которые сыграли столь важную роль в его экономических трудах: мышление его отличалось строгой, почти математической логичностью, большой четкостью, неприязнью к слишком общим рассуждениям. В это время Рикардо впервые столкнулся с политической экономией как наукой. В ней еще безраздельно царил Смит, и молодой Рикардо не мог не попасть под его влияние. Вместе с тем на него сильное впечатление произвел Мальтус, чей «Опыт о законе народонаселения» вышел первым изданием в 1798 г. Позже, лично познакомившись с Мальтусом, Рикардо писал ему, что при чтении этого сочинения нашел идеи Мальтуса «такими ясными и так хорошо изложенными, что они пробудили во мне интерес, уступающий только интересу, вызванному прославленным трудом Адама Смита».

В начале века в Лондоне появился молодой шотландец Джеймс Милль, острый публицист и писатель по социально-экономическим вопросам. Рикардо познакомился с ним, знакомство вскоре перешло в тесную дружбу, которая связывала их до смерти Рикардо. В первые годы Милль играл роль наставника. Он ввел Рикардо в круг ученых и писателей, подтолкнул его к публикации первых сочинений. Позже роли в известном смысле переменялись. После выхода главных трудов Рикардо Милль объявил себя

его учеником и последователем. Правда, в своих работах он развивал не сильнейшие стороны учения Рикардо и защищал его от критиков отнюдь не лучшим образом, чем, по существу, способствовал разложению рикардизма. Тем не менее Милль нельзя не помянуть здесь добрым словом: искренний поклонник таланта Рикардо, он постоянно наседали на него, требуя писать, переделывать, публиковать. Иной раз Милль брал на себя слегка комическую роль, задавая Рикардо «уроки» и требуя отчетов. В октябре 1815 г. он пишет Рикардо: «Я надеюсь, вы в настоящее время уже в состоянии что-то сообщить мне о том, насколько вы продвинулись в вашей книге. Я считаю теперь, что эта работа – ваш определенный обет».

Некоторым талантливым людям такие друзья очень нужны!

Рикардо всегда страдал от неуверенности в своих силах, от некоторой литературной робости. У него не было и такого чувства долга, «привязанности», с которым Смит много лет работал над своей книгой. Вне пределов своего бизнеса Рикардо был мягкий и даже немного застенчивый человек. Это проявлялось в повседневной жизни, в общении с людьми. В 1812 г. он поехал в Кембридж, где его старший сын Осман первый год обучался в университете. И вот в непривычной обстановке он, 40-летний богач и уважаемый человек, чувствует себя неуверенно, неловко. Давая в письме жене отчет о своей поездке, Рикардо говорит: «Я стараюсь преодолеть все, что есть в моем характере робкого и замкнутого, чтобы сделать все возможное и обеспечить Осману несколько приятных знакомств».

На подступах: проблема денежного обращения

Как пишет Маркс, в парламентских прениях по поводу банковских актов 1844 и 1845 г. будущий премьер Гладстон однажды заметил, что даже любовь не сделала столько людей дураками, сколько мудрствование о сущности денег.

Теория денег – одна из самых сложных и в то же время политически острых областей экономической науки. В Англии начала XIX в. вопрос о деньгах и банках оказался в центре страстной полемики и борьбы партийных и классовых интересов. Естественно, что Рикардо, который хорошо знал кредитно-денежную практику, впервые попробовал свои силы как экономист и публицист на этой арене. Ему было тогда 37 лет.

В 1797 г. Английскому банку было разрешено приостановить размен его банкнот на золото. Банкноты превратились в неразменные бумажные деньги. В нескольких статьях и памфлетах, опубликованных в 1809—1811 гг., Рикардо доказывал, что повышение рыночной цены золота в этих бумажных деньгах является следствием и проявлением их обесценения в связи с чрезмерным выпуском. Его противники утверждали, что повышение цены золота объясняется другими причинами, в частности спросом на золото для вывоза за границу. В этих сочинениях раскрылся талант Рикардо — искусного полемиста, автора, способного очень логично и последовательно тянуть цепь аргументов. Это отнюдь не была академическая дискуссия. За теми, кто отрицал обесценение банкнот, стояли заправилы Английского банка, консервативное большинство парламента, министры, вся «военная партия». В конечном счете тут находили выражение классовые интересы землевладельцев, которым война и инфляция приносили рост ренты. Рикардо же выражал, как и во всей своей последующей деятельности, интересы промышленной буржуазии, которые в то время были прогрессивны. Политически он был близок к вигской (либеральной) оппозиции, «партии

мира».

Рикардо не ограничился критикой существующей системы денежного обращения, но разработал позитивную программу. Он дополнил ее в нескольких более поздних сочинениях. То, что он предлагал, было денежной системой, максимально соответствующей потребностям развития капиталистического хозяйства. И надо сказать, что идеи Рикардо в большой мере осуществились в течение XIX столетия. С 1819 по 1914 г. в Англии действовал золотой стандарт.

Коротко говоря, эти идеи сводились к следующему: 1) устойчивое денежное обращение — важнейшее, условие роста экономики; 2) такая устойчивость возможна лишь на базе золотого стандарта — денежной системы, основанной на золоте; 3) золото в обращении может быть в значительной мере или даже полностью заменено бумажными деньгами, разменными по твердому паритету на золото, что дает нации большую экономию. В своей последней работе, которую он не успел закончить, Рикардо предлагает отнять у Английского банка, являвшегося частной компанией, право эмиссии банкнот и управления государственными средствами. Для этих целей он предлагал создать новый Национальный банк. Для того времени это было крайне смелое предложение.

Рикардова теория денег отражала как силу, так и слабость классической политэкономии. Рикардо попытался положить в основу теории денег трудовую теорию стоимости, но сделал это непоследовательно и фактически отказался от нее при анализе конкретных экономических процессов.

Стоимость золотых денег, как и всех товаров, определяется в принципе затратами труда на их производство. И товары и деньги входят в обращение с данными стоимостями. Значит, для того чтобы обслуживать обращение данной массы товаров, нужно определенное количество денег. Если, скажем, вся годовая товарная масса представляет 1 млрд. рабочих дней среднего труда, а в одном грамме золота воплощается 1 рабочий день, то для обращения нужен 1 млрд. граммов золота. Предположим, однако, что каждый грамм золота может в течение года обслужить 10 сделок, сделать 10 оборотов. Тогда будет достаточно в 10 раз меньше золота — 100 млн. граммов. К этому надо добавить еще, что часть золота может быть сэкономлена за счет сделок, производимых в кредит. Такова в главных чертах концепция, позже четко изложенная Марксом.

Но Рикардо не пошел таким путем. Он исходил из того, что в данной стране может обращаться любое количество так или иначе попавшего туда золота. В обращении масса товаров просто сталкивается с массой денег, и таким образом устанавливаются товарные цены. Если попало золотых денег больше, то цены выше, если меньше — ниже. Это количественная теория денег, уже знакомая нам по Юму. Рикардо отличается от Юма тем, что он стремится как-то примирить ее с трудовой теорией стоимости. Но это ему, понятно, плохо удастся.

Над мышлением Рикардо тяготел опыт неразменного бумажно-денежного обращения. Покупательная сила бумажных денег действительно в основном определяется их количеством. Сколько бы ни было выпущено этих денег, все они будут представлять то количество полноценных золотых денег, какое необходимо для обращения. Когда, скажем, бумажных долларов становится вдвое больше, чем нужно золотых, каждый бумажный доллар обесценивается вдвое.

Почему, однако, Рикардо механически перенес явления бумажно-денежного обращения на золото? Потому, что он не видел принципиальной разницы между тем и другим, считая золото тоже в сущности знаком стоимости. Он видел в деньгах только средство обращения и не понимал всей сложности и многообразия их функций.

Рикардо думал, что его теория денег объясняет также все колебания в международных экономических отношениях. Он рассуждал так. Если в данной стране оказывается слишком много золота, то в ней повышаются товарные цены и становится выгодно ввозить в нее товары из-за границы. В торговом балансе страны образуется дефицит, который приходится оплачивать золотом. Золото уходит из страны, цены повышаются, приток иностранных товаров приостанавливается, и все приходит в равновесие. При недостатке золота в стране все происходит в обратном порядке. Таким образом, действует автоматический механизм, естественным образом выравнивающий торговые балансы и распределяющий золото между странами. Отсюда Рикардо делал важные выводы в пользу свободы торговли. Нечего беспокоиться, говорил он, если ввоз превышает вывоз товаров и золото уходит из страны. Это вовсе не основание для ограничений ввоза. Просто в стране слишком много золота и слишком высокие цены. Свободный импорт помогает их понизить.

Требование свободы торговли в Англии во времена Рикардо было прогрессивным, как и во времена Смита. Но его теория об автоматическом выравнивании плохо отражала действительность. Во-первых, она опиралась на количественную теорию денег и необоснованно утверждала, что изменение количества денег в стране прямо определяет уровень цен. Во-вторых, золото между странами передвигается не только под влиянием относительных уровней товарных цен. Критики Рикардо не без основания указывали, например, что в годы наполеоновских войн золото уходило из Англии не потому, что цены в Англии были выше (наоборот, цены на промышленные товары были там значительно ниже), а в связи с большими военными платежами за границу, закупками хлеба в неурожайные годы и т. п.

При всех своих пороках рикардова теория денег все же сыграла важную роль в развитии экономической науки. Она выдвинула много вопросов, о которых ранее было крайне смутное представление и значение которых росло в дальнейшем: о скорости обращения денег; о «спросе на деньги», т. е. о факторах, определяющих потребности хозяйства в деньгах; о роли разменности бумажных денег на золото; о механизме международного движения золота и влиянии уровня товарных цен на торговые и платежные балансы.

В 1809 г. Рикардо еще был совершенно неизвестен как экономист. В 1811 г. он уже признанный авторитет, лидер движения за восстановление разменности банкнот. Отчасти через Милля, отчасти другими путями Рикардо знакомится с видными политиками, журналистами, учеными. В его гостеприимном доме начинаются регулярные сборища, где за хорошим столом без конца дебатировались острые вопросы — политические, экономические, литературные. Без особых усилий с его стороны Рикардо оказывается в центре этого круга людей. Причина — не только его ум, но и такт, спокойствие, выдержка.

Английская писательница Мария Эджуорт оставила проницательную характеристику Рикардо как собеседника: «Мистер Рикардо, с его очень

спокойной манерой держаться, имеет живой ум, который непрерывно находится в движении; все время он в беседе поднимает новые темы. Мне никогда не приходилось спорить или дискутировать вопрос с человеком, который спорил бы более честно и больше стремился бы к истине, чем к победе. Он полностью отдает должное любому аргументу, выдвигаемому против него, и не настаивает на своем мнении ни одной минуты больше, чем говорит ему его убеждение по этому вопросу. Для него, кажется, совершенно безразлично, вы ли обнаружите истину или он, лишь бы она была обнаружена. Беседуя с ним, всегда что-то получаешь; убеждаешься, что ты либо неправ, либо прав, и начинаешь лучше понимать дело, причем настроение в этой беседе всегда сохраняется наилучшим».

В 1811 г. Рикардо познакомился с Т. Р. Мальтусом. Дружба этих двух людей — любопытный парадокс в истории науки. Она была весьма тесной, Рикардо и Мальтус часто встречались, ездили друг к другу в гости и без конца переписывались. Между тем трудно представить себе более разных людей. Вся история их дружбы — это история идейных споров и разногласий. Они редко могли согласиться в чем-либо. И не удивительно: мальтусова политическая экономия подчинена интересам класса землевладельцев, что для Рикардо было совершенно неприемлемо. В свою очередь, Мальтус не мог принять самые важные идеи Рикардо: трудовую теорию стоимости, изображение ренты как паразитического дохода, свободу торговли, требование отмены хлебных законов.

Вероятно, одно из объяснений этой дружбы состоит в том, что Рикардо в высшей мере обладал качествами научной объективности и самокритичности. Всегда недовольный тем, чего он достиг и как он это выразил, Рикардо искал в острой критике Мальтуса ключ к совершенствованию, к уяснению и развитию своих идей. С другой стороны, критикуя Мальтуса, он сам двигался вперед.

Принцип сравнительных затрат

Рикардо много думал о факторах, определяющих потоки международной торговли. Это понятно: для Англии внешняя торговля всегда играла (и теперь играет) особо важную роль. Он задался вопросом: почему из данной страны вывозятся именно такие товары, а ввозятся другие? И что дает внешняя торговля для роста производства, для экономического прогресса?

У Адама Смита был простой и в общем-то довольно плоский ответ на такие вопросы. Может быть, и мыслимо производить в Шотландии виноградное вино, но затраты труда будут непомерно велики. Выгоднее производить в Шотландии, скажем, овес и обменивать его на вино из Португалии, где производство вина требует мало затрат труда, а овес — много. По всей вероятности, выиграют обе страны. Но это не могло удовлетворить Рикардо. Неужели торговля возможна только в таких очевидных случаях, когда диктует сама природа?

Он рассуждал так. Если даже представить себе, что Шотландия производит и овес и вино с меньшими издержками, но по овсу ее преимущество больше, чем по вину, то при известном соотношении издержек и известных пропорциях обмена ей будет все же выгодно производить *только* овес, а Португалии — *только* вино. Это и есть принцип сравнительных затрат, или сравнительного преимущества. Рикардо основывал этот принцип на трудовой теории стоимости и пытался доказать его с помощью числового примера; он вообще очень любил и постоянно использовал такие примеры.

Попытаемся проиллюстрировать идеи Рикардо числовым примером, который по возможности приближен к реальности начала XIX в. Представим себе, что в Англии и Франции производятся только два товара — сукно и зерно. В Англии производство 1 метра сукна требует в среднем 10 часов труда, а 1 тонны зерна — 20 часов. Во Франции цифры составляют для сукна 20 часов, для зерна — 30 часов. В соответствии с законом стоимости в Англии 1 тонна зерна будет обмениваться на 2 метра сукна, а во Франции — на 1,5 метра. Заметим, что в данном примере Англия имеет абсолютное преимущество в производстве обоих товаров, но *сравнительное* — лишь по сукну. По зерну сравнительное преимущество имеет Франция. Это можно объяснить еще так: во Франции производство сукна обходится в 2 раза дороже, чем в Англии, а зерна — только в 1,5 раза. Это *только* и есть сравнительное преимущество.

Предположим, что обе страны последовали совету Рикардо и специализировались: Англия — на производстве сукна, Франция — на производстве хлеба. Можно думать, что соотношение обмена сукна на хлеб будет находиться где-то между английским и французским и составит, скажем, 1,7 (т. е. 1,7 метра сукна за 1 тонну зерна). Дальнейшие рассуждения лучше изобразить в виде таблицы:

	Англия	Франция
Совокупная затрата рабочих часов на 1 м сукна и 1 т зерна	30	30
До специализации		
Производство и потребление сукна (м)	1	1
Производство и потребление зерна (т)	1	1
После специализации		
Производство сукна (м)	3	-
Производство зерна (т)	-	1,67
Потребление сукна (м)	1	$0,67 \times 1,7 = 1,1$
Потребление зерна (т)	$2 : 1,7 = 1,2$	1
Выигрыш от специализации для потребления	0,2 т зерна	0,1 м сукна

Как видим, на каждых 30 часах общественного труда английское народное хозяйство выигрывает 0,2 тонны зерна, французское — на каждых 50 часах труда выигрывает 0,1 метра сукна. Благодаря специализации и развитию внешней торговли обе страны в принципе могут увеличить потребление обоих продуктов.

Рикардо понимал и то, что этот выигрыш, как правило, присваивается определенным классом — капиталистами. Но вполне в духе его мышления было считать это равнозначным: выгода от внешней торговли «создает... побуждение к сбережению и к накоплению капитала», а накопление капитала — залог экономического роста, и, в частности, оно в общем может благоприятно отразиться на положении рабочего класса, так как вызывает увеличение спроса на рабочую силу.

Следует зафиксировать два важных момента. Во-первых, как уже говорилось, принцип сравнительных затрат у Рикардо опирается на трудовую теорию стоимости. Во-вторых, он в своей абстрактной форме не увязан с

капиталистическим производством, а применим по самой своей сущности к международному разделению труда вообще. Вопрос лишь в том, какому классу будут доставаться экономические выгоды от специализации.

Можно ли применить принцип сравнительных затрат, с необходимыми изменениями и поправками, к проблеме разделения труда и специализации производства между социалистическими странами? Думается, что можно. Видимо, изложенная выше принципиальная схема может быть развита и дополнена. С первого взгляда чувствуется, что она вполне пригодна для математической формализации, для построения модели, в которую надо, конечно, ввести ряд дополнительных факторов.

До недавнего времени принцип сравнительных затрат некоторые советские авторы трактовали исключительно как буржуазно-апологетическую теорию. А. Б. Фрумкин совершенно бездоказательно отвергает эту идею Рикардо лишь на том основании, что «теория «сравнительных издержек» в силу ее апологетического характера была подхвачена затем вульгарной политэкономией». Это не убедительно. Например, рикардова теория дифференциальной земельной ренты не перестает быть в принципе правильной оттого, что она впоследствии использовалась в апологетических целях.

Маркс, критикуя учение Рикардо о внешней торговле, вместе с тем указывал, что в принципе специализация может быть выгодна даже относительно отсталой стране, так как такая страна «все-таки получает при этом товары дешевле, чем могла бы сама их производить».

В этой связи важно помнить, что исходный принцип — это одно, а его использование для обоснования известной идеологии и политики — совсем другое. Верно, что уже Рикардо делал из принципа сравнительных затрат выводы в духе своей теории о гармоническом и уравновешенном развитии международных экономических отношений в условиях свободы торговли. У него получалось, что торговля будет выгодна всем ее участникам и сплотит «все цивилизованные нации в одну всемирную общину», если хлеб, вино и другие сельскохозяйственные товары будут производиться в прочих странах мира, а металлические изделия и другие промышленные товары — в Англии. Таким образом, принцип сравнительных затрат служил аргументом и оправданием «естественного» преобладания Англии в качестве главной промышленной державы мира. Дальнейшее развитие этого принципа в буржуазной науке придало ему более ярко выраженный апологетический характер. Была разорвана его связь с трудовой теорией стоимости. Он стал использоваться в ряде случаев для оправдания односторонней специализации слаборазвитых и развивающихся стран на производстве сырья и продовольствия, как довод против их индустриализации.

Изменение претерпела, впрочем, вся идея свободы торговли, представлявшая собой важнейшую составную часть буржуазной классической политической экономии. Хотя свобода торговли была особенно выгодна для английской буржуазии, ее основное направление было в то время все же прогрессивным: она была нацелена на ликвидацию феодализма в самой Англии и в других странах, на вовлечение новых районов в мировую торговлю, на создание капиталистического мирового рынка. В современных условиях идея свободы торговли, во всяком случае в применении к развивающимся странам, является реакционной. Даже многие экономисты из Западной Европы и США (например, известный шведский ученый Гуннар

Мюрдаль в книге «Мировая экономика», вышедшей в 1958 г. в русском переводе) признают, что свобода торговли обрекла бы развивающиеся страны на вечную роль сырьевых придатков и могла бы лишь законсервировать их отсталость. Напротив, только активное вмешательство в сферу внешней торговли (как и в другие сферы хозяйства), в частности обложение пошлинами ввоза иностранных промышленных товаров, содействие национальному экспорту таких товаров и т. д., могут помочь этим странам выбиться из отсталости.

Но было бы неправильно по этим причинам отвергать принцип сравнительных затрат как абстрактное обоснование экономической целесообразности международного разделения труда и специализации производства.

Главная книга

Главное сочинение Рикардо — «Начала политической экономии и налогового обложения» — появилось совсем иначе, чем «Богатство народов» Смита. Ни бурная эпоха, ни темперамент автора не позволяли ему много лет работать в тиши уединения.

Научные интересы Рикардо были очень тесно связаны с острыми вопросами дня. В 1813—1814 гг. таким вопросом стали хлебные законы, оттеснившие даже проблемы банков и денег. Рикардо, в это время уже видный экономист и публицист либерального лагеря, бросился в бой. Непосредственным поводом для его выступлений послужила полемика с Мальтусом, который отстаивал хлебные законы и высокие цены на хлеб. Из этой полемики под пером Рикардо выросла теоретическая система. В его трудах, написанных в 1814—1817 гг., нашла свое высшее выражение буржуазная классическая политическая экономия в Англии.

Система Смита уже не могла претендовать на полное объяснение экономической реальности. Слишком многое изменилось за 40 лет. Завершилось выделение классов буржуазного общества, произошла кристаллизация их экономических интересов. Борьба вокруг хлебных законов открыто велась с позиций основных классов, главным образом промышленной буржуазии и землевладельцев. В центре экономической науки оказалась проблема распределения национального дохода между классами. Для Смита это была лишь одна из важных проблем. Для Рикардо это, в сущности, предмет политической экономии. Он пишет: «Определить законы, которые управляют этим распределением,— главная задача политической экономии. Как ни обогатили эту науку исследования Тюрго, Стюарта, Смита, Сэя, Сисмонди и др., все-таки объяснения, которые они дают относительно естественного движения ренты, прибыли и заработной платы, весьма мало удовлетворительны».

Рикардо пытался установить законы распределения, исходя из условий и интересов производства. Что это конкретно означало? Прежде всего, он положил в основу своей системы теорию, утверждающую, что стоимость товаров создается трудом в процессе производства и измеряется количеством этого труда. Далее, производство он рассматривал в конкретной капиталистической форме и задавался вопросом, как образуется стоимость и распределяются доходы в условиях, когда средства производства находятся в руках лендлордов (земля) и капиталистов (фабрики, машины, сырье). Наконец, главную функцию капитализма он видел в увеличении

производства материальных благ.

В начале 1815 г. Рикардо опубликовал небольшой памфлет под заглавием «Опыт о влиянии низкой цены хлеба на прибыль с капитала». Здесь была впервые в сжатой форме изложена рикардова теория экономических отношений классов и развития капитализма. Рикардо делал следующий основной вывод. Если предоставить экономическое развитие самому себе, то в связи с ростом населения и постепенным переходом к обработке все менее плодородных земель цены на сельскохозяйственные продукты будут расти. Вся выгода от этого достанется землевладельцам, тогда как норма прибыли на капитал будет понижаться. От этого будут страдать и рабочие, так как на их труд будет предъявляться относительно более низкий спрос. Как писал Рикардо, «интерес землевладельца всегда противоположен интересу всякого другого класса в обществе». Что может оказать противодействие этой тенденции? В частности, импорт дешевого хлеба из-за границы. Отсюда очевиден вред хлебных законов: выгодны они только паразитам-лендлордам.

Рикардо продолжал размышлять над вопросами, которые теперь теснились у него в мозгу. Он забросил лондонские дела, уединился в Гэткомб-парке, обложившись книгами. В письме Сэю от августа 1815 г. он первый раз упоминает о намерении изложить свои взгляды в книге. Всю осень он работает с большим напряжением, увлекаясь все более и более. Дела, поездки, визиты сокращены до предела.

В ходе работы он вскоре наталкивается на главную трудность — проблему стоимости (ее суть мы изложим ниже). Смитова теория его не удовлетворяет, но заменить ее он еще не в состоянии. Поиски становятся мучительными. В одном из писем он сообщает, что две недели не знал покоя, пока додумался до какой-то важной вещи. Письма Рикардо вообще наполнены в это время жалобами и сомнениями. Милль старается вселить в него бодрость любыми средствами, вплоть до лести: «Вы уже лучший мыслитель в политической экономии, я уверен, что вы будете и лучшим писателем». Жалобы Рикардо составляют немного забавный контраст с феноменальным темпом, которым создается книга.

В апреле 1817 г. «Начала политической экономии и налогового обложения» уже выходят из печати тиражом 750 экземпляров. Книга Рикардо носит все следы спешки. Он посылал издателям рукопись частями, одновременно дописывая и переделывая оставшееся. При жизни Рикардо вышли еще два издания. Они мало отличались от первого, за исключением главы первой — «О стоимости», в которой Рикардо упорно стремился к четкости и убедительности.

В третьем издании книга состоит из 32 глав, которые четко распадаются на три части. Основы рикардовой системы изложены в первых семи главах. Более того, все самое главное сказано уже в первых двух главах — о стоимости и ренте. Маркс говорит, что здесь Рикардо проникает в самую суть капиталистического способа производства и дает «некоторые совершенно новые и поразительные результаты. Отсюда то высокое теоретическое наслаждение, которое доставляют эти две первые главы...». После семи теоретических глав следуют (не подряд) 14 глав, посвященных вопросам налогов. В остальных 11 главах содержатся различные дополнения, возникшие после завершения основных глав мысли и критические соображения по адресу других экономистов, в основном Смита, Мальтуса и Сэя.

Историческое значение Рикардо для экономической науки можно свести к двум пунктам. Он принял единый руководящий принцип — определение стоимости трудом, рабочим временем — и попытался воздвигнуть на этой основе все здание политической экономии. Именно это позволило Рикардо в большой мере проникнуть за внешнюю оболочку явлений и обнаружить ряд элементов подлинной физиологии капитализма. Он показал и сформулировал экономическую противоположность классов буржуазного общества и тем самым ухватился за самый корень исторического развития.

Оба центральных пункта системы Рикардо были использованы Марксом в его экономической теории, которая произвела революционный переворот в политической экономии. Именно эти достижения Рикардо в первую очередь сделали английскую классическую политэкономию одним из источников марксизма. Буржуазная наука в дальнейшем, напротив, отвергла оба главных положения Рикардо. Очень скоро первое из них навлекло на Рикардо обвинение в чрезмерной абстрактности и схоластике, второе — в цинизме и разжигании классовой розни.

Рикардо действительно были чужды всякие сантименты. Его политическая экономия была жестока, ибо жесток был тот мир, который она пыталась объяснить. Поэтому были неправы даже такие люди, как Сисмонди, которые критиковали Рикардо с позиций гуманности и блага отдельных индивидов. Научность взглядов Рикардо, как и Смита, определяется тем, что он смотрел на интересы классов только с точки зрения развития производства, роста богатства нации. Интересы промышленной буржуазии он тоже защищал лишь в той мере, в какой они соответствовали этому высшему принципу. Рикардо действительно изображал положение рабочих в процессе производства как живых орудий. Капиталист выбирает, что ему выгоднее — нанять рабочих или установить новые машины. И чувства здесь решительно ни при чем. Маркс писал: «Это — стоицизм, это объективно, это научно. Поскольку это возможно без *греха* против его науки, Рикардо всегда филантроп, каким он и был в *практической жизни*».

Рикардо отнюдь не думал, что благотворительность может излечить пороки общества. Но в жизни Рикардо был добрым и щедрым человеком (что, впрочем, при его богатстве было не слишком обременительно). Мария Эджуорт рассказывает, что она осматривала вблизи от Гэткомб-парка школу, где на его деньги и под эгидой миссис Рикардо обучалось 130 детей. Он давал деньги на больницы, помогал множеству бедных родственников. Сохранилась любопытная переписка о бедной девушке, бывшей служанке в доме Рикардо, которую некий молодой повеса хитростью увез в Лондон и пытался соблазнить. Вся эта история случилась в начале 1816 г., когда Рикардо как раз с большим напряжением работал над своей книгой. Усилиями доброго мистера Рикардо, который не жалел своего времени и даже рисковал получить от повесы вызов на дуэль, девушка была водворена в родительский дом. Чем не святочный рассказ Диккенса?

Глава 12

ЗАВЕРШЕНИЕ СИСТЕМЫ: РИКАРДО

Головоломка стоимости

Рикардо упорно работал, стремясь дать себе ясный отчет о природе

стоимости. Не раз признавал он свои прежние взгляды неудовлетворительными и пересматривал их. Когда ему казалось, что он разрешил одну трудность, перед ним вставали новые. Последняя его работа, которую прервала болезнь и смерть Рикардо, носила заглавие «Абсолютная и относительная стоимость». Под абсолютной стоимостью он понимал то, что Маркс назвал субстанцией стоимости,— заключенное в товаре количество труда. Под относительной стоимостью — меновую стоимость, количество другого товара, которое должно в силу естественных законов обмениваться на единицу данного товара. Слабость Рикардо заключалась в том, что, признавая абсолютную стоимость, он вместе с тем даже не пытался проникнуть в ее природу, исследовать характер самого труда, воплощенного в этой стоимости. Что его всегда интересовало, так это только количественная сторона дела: как определяется сама величина меновой стоимости и чем ее можно измерять. Отсюда его поиски «идеальной меры стоимости» — погоня за химерой, за неуловимой тенью.

Иногда Рикардо приходил в отчаяние от невозможности найти полное примирение между своей теорией стоимости и всеми реальными процессами экономики. В одну из таких минут слабости он написал в письме, что в конце концов, может быть, следовало бы просто выбросить проблему стоимости за борт и исследовать законы распределения без нее. Но слабость проходила, он вновь возвращался к своей главной задаче и искал выхода из тупиков.

Как во многих других вопросах, Рикардо начал там, где остановился Смит. Он еще более четко разграничил